Кл 1/388

РОССІЯ
И
АНГЛІЯ
ВЪ
СРЕДНЕЙ АЗІИ

Ф. Ф. МАРТЕНСА

Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и Члена Института международнаго права.

СЪ ИЗМѢНЕНІЯМИ И ДОПОЛНЕНІЯМИ АВТОРА

ПЕРЕВЕЛЪ

Баронъ К. Ф. ТАУБЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Книгопродавца Эмиля Гартье

ПОДЪ ФИРМОЮ

Книжный Складъ „Россійской Библіографіи"

Невскій пр., 27, у Казанскаго моста

1880.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

«О правѣ частной собственности во время войны». 1869 г.

«О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ». 1873 г.

«Das Consularwesen und die Consularjurisdiction im Orient». Berlin 1874.

«Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, составилъ по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ». 1874—1878, (на русскомъ и французскомъ языкахъ съ историческими комментаріями). Издано 4 тома, содержащіе трактаты съ Австріею: т. I, 1648—1762 г.; т. II, 1772—1808 г.; т. III, 1808—1815 г.; т. IV, часть I, 1815—1849 г.; т. IV, часть II, 1849—1878 г. («Recueil des Traités et Conventions conclus par la Russie avec les Puissances étrangères, publié d'ordre du Ministère des Affaires Etrangères».

«Étude historique sur la politique russe dans la question d' Orient». Gand 1877.

«Die russische Politik in der orientalischen Frage». Eine historische Skizze. St.-Petersburg 1877.

Восточная война и Брюссельская конференція. 1874—1878. Спб. 1879. Ц. 3 р.

La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale. Gand 1879 (распродано).

Russland und England in Central-Asien. St.-Petersburg 1880. Ц. 75 к

ТОГО ЖЕ ПЕРЕВОДЧИКА:

Европейское международное право, А. В. Гефтера, профессора Берлинскаго университета. Съ измѣненіями и дополненіями, сдѣланными для русскаго перевода авторомъ и предисловіемъ профессора С.-Петербургскаго университета **Ф. Ф. Мартенса,** перевелъ **баронъ К. Таубе.** Спб. 1880. XVI + 453 + 133 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 28 Февраля 1880 г.

Из коллекции
профессора
В. Э. Грабаря

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
19436-58

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе настолько зарекомендовано сочувственными ему отзывами нашей и иностранной печати, что имѣетъ полное право на вниманіе русскаго общества. Изданное первоначально на французскомъ языкѣ, оно было переведено на нѣмецкій и англійскій языки и англійскій переводъ его былъ переданъ по телеграфу въ Америку. Причины такого выдающагося успѣха этого сочиненія заключаются, безъ сомнѣнія, столько же въ интересѣ и новизнѣ рѣшенія затрагиваемыхъ имъ вопросовъ, сколько и въ авторитетности имени его автора, какъ публициста. Здѣсь будетъ не лишнее сказать нѣсколько словъ о научномъ достоинствѣ выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ этой брошюры, такъ какъ преимущественно оно опредѣляетъ значеніе всего его труда.

Настоящее изслѣдованіе профессора Мартенса можетъ быть раздѣлено на двѣ части, находящіяся въ тѣсной связи между собой. Въ первой—авторъ касается почти незатронутаго въ наукѣ международнаго права вопроса о юридическихъ отношеніяхъ между образованными и варварскими народами; во второй—разсматриваетъ исторію дипломатическихъ сношеній Россіи и

Англіи по среднеазіатскому вопросу и условію правильнаго взаимнаго положенія этихъ державъ въ Средней Азіи. Авторъ даетъ принципіальное рѣшеніе поставленнымъ имъ вопросамъ. Онъ исходитъ изъ основнаго начала международнаго права—международнаго правоваго общенія—и, анализируя этотъ принципъ, логически приходитъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ заключеніямъ: во-первыхъ, къ признанію непримѣнимости европейскаго международнаго права въ отношеніяхъ цивилизованныхъ націй къ народамъ необразованнымъ, каковы среднеазіатскіе; во-вторыхъ, къ требованію мирной совмѣстной дѣятельности Россіи и Англіи въ Средней Азіи, направленной къ разрѣшенію тѣхъ ихъ задачъ, которыя сама судьба возложила на нихъ, какъ на представительницъ европейской образованности среди полудикаго населенія этой части Азіи. Доказательства непримѣнимости къ варварскимъ среднеазіатскимъ народностямъ европейскаго международнаго права служатъ автору для объясненія политики Россіи и Англіи въ Средней Азіи, по необходимости завоевательной. Естественно, что ненормальность и тягость такого положенія вещей заставляетъ желать возможно скорѣйшаго территоріальнаго соприкосновенія въ Средней Азіи двухъ великихъ европейскихъ державъ, какъ условія замиренія и культуры среднеазіатскихъ земель, съ одной стороны, и безопасности и развитія мирныхъ сношеній по окраинамъ владѣній русскихъ и англійскихъ—съ другой. Съ научной точки зрѣнія, усвоенной авторомъ, къ другимъ выводамъ не возможно придти, и въ этой исходной точкѣ, и въ этихъ выводахъ заключаются главныя достоинства, значеніе и оригинальность изслѣдованія г. Мартенса.

Въ русской печати, встрѣтившей вообще весьма сочувственно настоящее сочиненіе, между прочимъ, вы-

сказано было мнѣніе, что развитые въ немъ взгляды имѣютъ больше значенія для науки, чѣмъ для практики, что они полны отвлеченности даже туманности. Научность взглядовъ г. Мартенса безспорна; но всякій истинно научный взглядъ есть въ тоже время и взглядъ практическій: иначе наука не была бы руководительницей практики. Тотъ, кто называетъ теоретическія положенія, развитыя въ настоящемъ трудѣ, неприложимыми къ практикѣ, долженъ бы былъ доказать невѣрность ихъ основанія, или неправильность ихъ вывода изъ этого принципа. До тѣхъ поръ упрёкъ въ непрактичности мыслей, выраженныхъ профессоромъ Мартенсомъ, не можетъ считаться доказаннымъ. Въ сущности, всѣ онѣ сводятся къ одной идеѣ—необходимости для Россіи и Англіи, какъ *образованныхъ* государствъ, руководствоваться въ своихъ *взаимныхъ* отношеніяхъ въ Средней Азіи *европейскимъ международнымъ правомъ*,—правомъ, которое не совмѣстно съ преслѣдованіемъ исключительныхъ интересовъ, взаимнымъ недовѣріемъ и враждой народовъ. Это глубоко вѣрная и практическая мысль, достойная ученаго представителя государства, политика котораго всегда отличалась правомѣрностью и которое такъ много оказало услугъ выясненію и точному опредѣленію началъ международнаго права.

Бар. К. Таубе.

С.-Петербургъ.
20 февраля 1880 г.

Россія и Англія
въ
Средней Азіи.

> Il faut une science politique nouvelle à un monde tout nouveau.
>
> *A. de-Tocqueville.*

Едва берлинскій конгресъ положилъ конецъ опасеніямъ неизбѣжнаго столкновенія между Россіей и Англіей, вызываемаго различіемъ ихъ политики въ отношеніи Турціи, какъ новыя тучи затемнили политическій горизонтъ. Изъ глубины Средней Азіи Европа была наводнена массою телеграммъ, извѣщавшихъ о прибытіи въ Кабулъ русскаго посольства съ порученіемъ заключить оборонительный и наступательный союзъ между Россіей и Афганистаномъ противъ Англіи, и объ отличномъ пріемѣ, оказанномъ этому посольству государемъ Афганистана, эмиромъ Ширъ-Али.

Эти извѣстія распространились въ образованномъ мірѣ съ быстротою молніи. Они произвели глубокое впечатлѣніе, особенно въ Англіи. Англійскій парламентъ потребовалъ отъ правительства подробныхъ разъясненій относительно афганскихъ событій; англійская печать возобновила свой походъ противъ „интригъ“ и „вѣроломства“ Россіи въ Средней Азіи; дальновидные и рѣшительные люди объявляли, что война между Россіей и Англіей неизбѣжна и необходима. Англія, говорили они, не можетъ согласиться ни на какое вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла Афганистана, этой сосѣдней съ Остъ-Индіей страны.

Россія неоднократно давала формальное обѣщаніе не вмѣшиваться въ Афганистанъ, оставить эту страну подъ преобладающимъ, исключительнымъ вліяніемъ англійскаго правительства. Отправляя дипломатическое посольство въ Кабулъ, русское правительство не сдерживало своего слова, нарушало свои обязательства. Война, объявленная Англіей Россіи, будетъ справедлива съ точки зрѣнія права и съ точки зрѣнія нравственности.

Приверженцамъ этого мнѣнія можно было бы отвѣтить, что если русское посольство могло съ тріумфомъ вступить въ Кабулъ, то только потому, что эмиръ Ширъ-Али желалъ допустить его въ свои предѣлы и принять его съ открытыми объятіями; можно было бы доказать безспорными фактами, что само правительство вице-короля Остъ-Индіи *заставило* эмира броситься въ объятія Россіи; наконецъ, по справедливости, можно было бы спросить, почему же Ширъ-Али не захотѣлъ ни за что въ мірѣ согласиться на принятіе въ свою столицу англійскаго посланца, а, между тѣмъ, оказалъ столь радушный пріемъ посланнику *Бѣлаго Царя*, отъ котораго онъ никогда не получалъ ни денежныхъ субсидій, ни доказательствъ тѣснаго союза въ формѣ военныхъ припасовъ, пушекъ и ружей?

Приверженцы войны съ Россіей оставили въ сторонѣ всѣ эти обстоятельства, какъ не имѣющія никакого политическаго значенія. Они рѣшительно и съ убѣжденіемъ утверждали, что афганскій эмиръ былъ не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ Россіи; что его непріязненныя дѣйствія противъ Англіи совершены подъ давленіемъ непреодолимой силы; что Россія одна была виновата, что она была внушительницею недовѣрія и неблагодарности, выказанныхъ Широмъ-Али. Наказать виновнаго и оставить въ покоѣ подстрекателя было бы верхомъ несправедливости. Наконецъ, что столкновеніе между Россіей и Англіей въ Средней Азіи было столь же несомнѣнно, какъ восходъ и закатъ солнца. Россія, только-что окончившая продолжительную и кровопролитную войну съ Турціей, была ослаблена и страдала многими ранами. Она была не въ силахъ оказать дѣйствительное и долгое сопротивленіе въ борьбѣ противъ Англіи, и послѣдняя имѣла бы всѣ шансы разрѣшить однимъ ударомъ весь

восточный вопросъ—и въ Европѣ, и въ Азіи—согласно своимъ интересамъ и своимъ національнымъ стремленіямъ.

Россія *или* Англія должна управлять азіатскими народами—таковъ лозунгъ приверженцевъ рѣшительной англійской политики въ Средней Азіи. Поведеніе эмира осенью прошлаго года и ослабленіе Россіи послѣ турецкой войны представляли единственный и исключительно благопріятный случай, чтобы разрушить въ своемъ основаніи обаяніе Россіи въ Азіи и ея власть надъ присоединенными къ ней ханствами.

Однако, благодаря мудрости и хладнокровію англійскаго правительства, защитникамъ вышеупомянутаго взгляда не удалось поссорить двѣ великія державы, которыхъ божественное Провидѣніе предназначило для цивилизаціи дикихъ народовъ Азіи, для убѣжденія варварскихъ племенъ этихъ странъ, своею силою и духомъ справедливости, что уваженіе къ праву и развитіе мирныхъ и торговыхъ сношеній гораздо выгоднѣе имъ самимъ, чѣмъ грабительство, насилія и вѣчная война. Мнѣніе, что враждебныя мѣры по отношенію къ Россіи изъ-за появленія русскаго дипломатическаго посольства въ Кабулѣ были бы столь же опасны для самой Англіи, какъ тяжелы для Россіи, восторжествовало въ сентъ-джемскомъ кабинетѣ. Опасность разрыва съ Россіей была отклонена.

Тѣмъ не менѣе, англійское правительство рѣшилось потребовать отчета отъ афганскаго эмира за его поведеніе съ Россіей. Вся тяжесть отвѣтственности пала на несчастнаго Шира-Али. Лондонскій кабинетъ рѣшилъ, что русское правительство не причастно къ дѣлу, но что надо предупредить дѣйствительными мѣрами возможность невѣрности со стороны своего *сосѣда и добраго дорогаго друга*, афганскаго эмира.

Въ августѣ прошлаго года англійское правительство рѣшило отправить въ Кабулъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ г. Невилля Чэмберлэна. Ширъ-Али отказалъ этому посольству въ дозволеніи перейти границу. Англійскій посланецъ, съ своею многочисленною свитою, вынужденъ былъ вернуться назадъ. Афганскій эмиръ отвергъ и англійскій ультиматумъ, вслѣдствіе чего въ ноябрѣ началась война.

Послѣ многихъ мѣсяцевъ войны, во время которой эмиръ

Ширъ-Али умеръ и внутреннее состояніе Афганистана сдѣлалось крайне критическимъ и непрочнымъ, наслѣдникъ престола, Якубъ-ханъ, рѣшился подписать условія мира, предложенныя вице-королемъ, лордомъ Литтономъ.

Въ силу этого договора, Афганистанъ пересталъ существовать, какъ независимое государство. Эмиръ обязался вести свои сношенія съ иностранными государствами, согласно совѣтамъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ Англіи (ст. 3). Англійскій повѣренный, съ достаточнымъ конвоемъ и съ правомъ посылать агентовъ англійскихъ на афганскую границу, будетъ имѣть свое пребываніе въ Кабулѣ, какъ постоянный дипломатическій представитель Англіи. Эмиру также дано право имѣть своего представителя въ Индіи (ст. 4).

На основаніи 5-ой статьи эмиръ обезпечиваетъ спокойствіе и должное уваженіе англійскихъ агентовъ въ Афганистанѣ. Торговыя сношенія между Афганистаномъ и Индіей имѣютъ быть установлены на основѣ спеціальнаго соглашенія. Наконецъ, долины Курума, Пиршины и Сибри остаются во владѣніи Англіи, подъ условіемъ уплаты эмиру излишка доходовъ съ этихъ земель, остающагося за покрытіемъ расходовъ по ихъ администраціи. Англійское правительство должно осуществлять свою власть надъ проходами Хайберскимъ и Мишнскимъ, равно какъ надъ пограничными независимыми племенами въ окрестностяхъ, гдѣ находятся эти проходы.

Взамѣнъ всѣхъ этихъ уступокъ въ пользу англійскаго правительства, эмиръ будетъ получать отъ него ежегодную субсидію въ шесть лакъ-рупій (54,834 ф. стерл.), съ условіемъ вѣрно исполнять договоръ.

Таковы постановленія мирнаго договора, заключеннаго недавно между Англіей и Афганистаномъ. Въ настоящее время безполезно изслѣдовать вопросъ, *можетъ-ли* этотъ договоръ быть точно исполненъ нынѣ царствующимъ въ Кабулѣ эмиромъ? Быть можетъ было бы наивно полагать, что, заключая этотъ договоръ съ Афганистаномъ, Остъ-Индскій вице-король дѣйствовалъ единственно подъ вліяніемъ той „гордости владѣнія и того инстинкта господства“, о которыхъ говоритъ герцогъ Аргайль и которые, по его мнѣнію, могутъ

повести къ самымъ крайнимъ излишествамъ и наиопаснѣйшимъ злоупотребленіямъ *).

Въ данную минуту мы не будемъ разсматривать ни политическаго значенія этого мирнаго договора, ни его обязательной силы для обѣихъ договаривающихся сторонъ. Безъ сомнѣнія, онъ долженъ имѣть огромное вліяніе на будущія отношенія между Англіей и Афганистаномъ. Если этотъ договоръ дѣйствительно будетъ исполненъ, Афганистанъ несомнѣнно обратится въ подвластную Англіи область. Вице-король Остъ-Индіи будетъ управлять Кабуломъ, какъ неограниченный властитель. Отсюда понятно значеніе этого мирнаго договора для существующаго положенія дѣлъ въ Средней Азіи.

Сдѣлавшись англійской областью, Афганистанъ поставитъ русскія владѣнія въ Азіи въ непосредственное соприкосновеніе съ землями, состоящими подъ императорскимъ скипетромъ англійской королевы.

Такимъ образомъ, благодаря этому мирному договору, становится совершившимся фактомъ то непосредственное сосѣдство англійскихъ и русскихъ владѣній въ Средней Азіи, которое многіе изъ англичанъ объявляли величайшей опасностью для Остъ-Индіи. По очень распространенному въ Англіи мнѣнію, земли кабульскаго эмира должны всегда оставаться нейтральными и служить какъ-бы „*буфферомъ*“ между Индіей и азіатскими ханствами, присоединенными къ Россіи.

И вотъ новая англійская политика въ Азіи сбила этотъ „*буфферъ*“, разрушила эту преграду, устранила послѣднее препятствіе, задерживавшее прямое столкновеніе между Россіей и Англіей въ безводныхъ равнинахъ Азіи. Какое неблагоразуміе! Какой промахъ со стороны англійскаго правительства!—воскликнутъ противники лорда Биконсфильда. Какое отсутствіе дальновидности! какое преступное легкомысліе!—скажутъ тѣ англичане, для которыхъ, по выраженію герцога Аргайля, „зависть и страхъ передъ Россіей обратились въ мономанію“.

*) *Герцогъ Аргайль*, The Eastern Question from the treaty of Paris 1856 to the treaty of Berlin 1878, and the second Afghan war. Лондонъ. 1879. Т. II-ой, стр. 217.

Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, мирный договоръ съ Афганистаномъ долженъ имѣть всѣ права на сочувствіе тѣхъ русскихъ, которые видятъ въ успѣхахъ русскихъ войскъ въ Средней Азіи не болѣе, какъ движеніе къ Индіи. Для нихъ поступательное и побѣдоносное движеніе нашихъ войскъ все болѣе и болѣе приближаетъ Россію къ той странѣ, которая составляетъ самое уязвимое мѣсто Великобританіи. Однако, въ Россіи найдется немного здравомыслящихъ людей, которые бы смотрѣли на англійскую Индію, какъ на конечную цѣль побѣдоноснаго движенія нашей арміи. Напротивъ, то мнѣніе, что эти завоеванія варварскихъ ханствъ въ глубинѣ Средней Азіи составляютъ очень тяжелое бремя для Россіи и что только крайняя необходимость не позволяетъ русскому правительству остановиться въ желанный моментъ,—это мнѣніе имѣетъ гораздо болѣе приверженцевъ въ Россіи, чѣмъ предыдущее.

Но справедливость требуетъ сознаться, что политика англійскаго правительства была одушевлена, въ эти послѣдніе годы, столь явнымъ недоброжелательствомъ по отношенію къ Россіи и что положеніе, занятое Англіей во время послѣдней войны на Балканскомъ полуостровѣ, было столь систематично враждебнымъ къ самымъ законнымъ требованіямъ и стремленіямъ русскаго народа, что даже тѣ изъ русскихъ, которые смотрѣли со страхомъ на успѣхи нашихъ завоеваній, свыклись съ мыслью о томъ, что можно будетъ когда-нибудь сдѣлать диверсію въ направленіи къ этой Остъ-Индіи, столь дорогой англичанамъ. Понятно, почему даже тѣ русскіе, которые нисколько не приходятъ въ восторгъ отъ завоеваній русскихъ войскъ въ Средней Азіи, постепенно должны были освоиться съ мыслью, что встрѣча съ англичанами на берегахъ Инда и на вершинахъ Гиндукуша сдѣлалась неизбѣжной, что она предписывается неизмѣннымъ, естественнымъ закономъ.

Но, повторяемъ, это заключеніе есть только логическое послѣдствіе, съ одной стороны, англійской политики на Востокѣ, съ другой—того завистливаго страха къ Россіи, который обратился въ мономанію у англичанъ. Было бы въ высшей степени несправедливо приписывать шовинизму или воинственному духу русскаго народа мысль о томъ, что экспе-

диція въ Индію можетъ, когда-нибудь, сдѣлаться настоятельной необходимостью и неизбѣжнымъ долгомъ.

Въ силу этихъ взглядовъ, очень распространенныхъ въ Англіи и въ Россіи, кажется безспорно, что мирный договоръ, подписанный Якубомъ-Ханомъ, долженъ имѣть всѣ права на признательность приверженцевъ ожесточенной борьбы между этими двумя великими державами въ Азіи. Англійскіе руссофобы рады тому, что Афганистанъ обратился въ англійскую область и что мирнымъ договоромъ нанесенъ „смертельный" ударъ обаянію Россіи въ Азіи; русскіе англофобы искренне благодарны правительству лорда Биконсфильда за то, что онъ разомъ сблизилъ англійскія владѣнія съ азіатскими землями, признавшими главенство Россіи. Крайности сходятся.

Однако, спрашивается, какое же изъ этихъ двухъ мнѣній, столь различныхъ въ своихъ исходныхъ точкахъ и столь согласныхъ въ своихъ конечныхъ выводахъ—истинное? Неужели справедливо, что борьба между Россіей и Англіей на берегахъ Инда—безусловная необходимость и неумолимая судьба? Дѣйствительно ли и неизбѣжно ли эти двѣ великія образованныя державы вынуждены неизмѣннымъ закономъ доставить дикимъ азіатскимъ народамъ печальное зрѣлище ожесточенной, безпощадной борьбы? Достойно ли европейской цивилизаціи, единственными представительницами которой въ Средней Азіи являются Англія и Россія, вызывать наружу гнусные инстинкты азіатскихъ ордъ и пользоваться дикой ненавистью, которую питаютъ эти варвары ко всѣмъ христіанскимъ и образованнымъ народамъ? Надо серьезно подумать надъ вопросомъ: кто же въ концѣ концовъ получитъ выгоду изъ этой борьбы между Англіей и Россіей; которая же изъ этихъ двухъ державъ, оставшись побѣдительницей на поляхъ сраженій, будетъ въ силахъ удержать подъ своей властью всѣ азіатскіе народы и всѣ разбойничьи и дикія племена, съ помощью которыхъ она одержитъ побѣду?

Достаточно серьезно подумать надъ этими вопросами, чтобы убѣдиться, что борьба между Россіей и Англіей въ Средней Азіи будетъ огромнымъ несчастьемъ для обѣихъ странъ. Что касается насъ, то чѣмъ болѣе мы изучали положеніе дѣлъ въ Азіи, чѣмъ болѣе мы могли слѣдить за поступательнымъ

ходомъ русскихъ и англійскихъ завоеваній въ этой части свѣта, чѣмъ болѣе мы были въ состояніи углубиться въ мотивы русской политики и въ дѣйствительныя стремленія русскаго народа, тѣмъ болѣе мы убѣждались, что завоеваніе Индіи никогда не было *дѣйствительною* и *первоначальною* цѣлью русской политики, что война между Россіей и Англіей повела бы къ неисчислимымъ бѣдствіямъ для *обѣихъ* державъ и что только дикіе туземные народы извлекутъ *дѣйствительную* пользу изъ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ одной стороной.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, къ сожалѣнію до сихъ поръ не нашедшей справедливой и полной оцѣнки, мы осмѣливаемся выставить, какъ неопровержимое положеніе, что въ среднеазіатскомъ вопросѣ общіе интересы цивилизаціи совершенно тождественны съ особенными или національными интересами Россіи и Англіи: какъ тѣ, такъ и другіе рѣшительно требуютъ отъ обѣихъ великихъ державъ, чтобы онѣ отказались отъ всякаго мелкаго страха, отъ всякой ребяческой зависти и всякаго воинственнаго стремленія. Ихъ миссія въ Азіи налагаетъ на нихъ безусловную обязанность дѣйствовать въ общемъ согласіи относительно азіатскихъ земель; ихъ *истинные* и *дѣйствительные* интересы совѣтуютъ имъ протянуть другъ другу руку на вершинахъ Гиндукуша и мужественно защищать свои завоеванія, совершенныя во имя цивилизаціи и человѣчества; будущность Азіи и дальнѣйшая судьба ихъ владѣній обязываютъ ихъ никогда не терять изъ вида той высокой роли, которую предназначило имъ божественное Провидѣніе для блага полудикихъ и варварскихъ народовъ въ этой части свѣта.

Чѣмъ болѣе Англія и Россія будутъ проникнуты чувствомъ *солидарности* ихъ обоюдныхъ интересовъ, чѣмъ болѣе онѣ будутъ убѣждены, что отличительная черта цивилизаціи заключается въ духѣ *совмѣстной дѣятельности* (l'esprit de coopération) ради одной высокой цѣли, тѣмъ болѣе сдѣлаются прочными основы ихъ господства надъ азіатскими народами и станутъ болѣе дѣйствительными гарантіи всеобщаго мира въ Европѣ и въ Азіи.

Вотъ та точка зрѣнія, съ которой мы предполагаемъ бросить взглядъ на взаимныя отношенія Россіи и Англіи въ Средней

Азіи. Мы разсмотримъ сначала историческое развитіе споровъ между этими двумя державами, чтобы, затѣмъ, имѣть возможность вывести заключенія, касающіяся настоящаго положенія этого вопроса.

Этотъ историческій очеркъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: 1) отъ 1864 г. до завоеванія Хивы въ 1873 г.; 2) отъ 1873 г. до заключенія мирнаго договора между Англіей и Афганистаномъ въ 1879 г. Послѣ краткаго обзора исторіи дипломатическихъ переговоровъ и оцѣнки событій, создавшихъ существующее положеніе вещей въ Средней Азіи, мы позволимъ себѣ развить выставленное нами выше положеніе.

Но намъ кажется невозможнымъ составить какое бы то ни было сужденіе объ отношеніяхъ между Россіей и Англіей, не выяснивъ предварительно основного вопроса объ *юридическихъ* отношеніяхъ Россіи и Англіи къ полудикимъ и варварскимъ народамъ Азіи. Справедливо-ли, что международное право примѣнимо къ сношеніямъ образованной державы съ народомъ полудикимъ? Возможно-ли, чтобы дипломатія въ пустынныхъ пространствахъ Азіи имѣла тѣже задачи для рѣшенія, какъ и въ населенныхъ земляхъ Европы и Америки,—земляхъ, которыя издавна работаютъ надъ однѣми и тѣми же моральными и юридическими идеями, одушевлены одинаковыми стремленіями къ общей цѣли и идеалу цивилизаціи, уравнены чувствами солидарности отношеній и необходимости совмѣстной дѣятельности въ борьбѣ со зломъ, одинаково опаснымъ для всѣхъ?

Нѣтъ, европейское международное право вовсе не приложимо къ отношеніямъ образованной державы къ полудикому народу; европейская дипломатія вынуждена измѣнить въ Азіи свои пріемы, свои средства дѣйствія и, до извѣстной степени, свои цѣли. Взаимныя отношенія, обстоятельства, условія, личности, агенты—все болѣе или менѣе различно: неужели право и политика одни останутся неизмѣнными и неприкосновенными?

Остановимся нѣкоторое время, прежде всего, на значеніи международнаго права и европейской дипломатіи въ Средней Азіи *).

*) Считаемъ необходимымъ предупредить читателя, что всѣ факты и до-

I.

Сношенія между образованными народами, съ одной стороны, и народами необразованными или полудикими, съ другой—съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усиливаются, и не смотря на это, юридическія начала этихъ новыхъ отношеній до сихъ поръ не обратили на себя достаточнаго вниманія юристовъ.

Всѣ согласны, что по мѣрѣ того какъ Европа становится слишкомъ тѣсной для свободнаго движенія всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, накопляемыхъ ежедневно кипучей дѣятельностью среди культурныхъ народовъ, сношенія этихъ послѣднихъ съ Востокомъ, и даже съ Африкой, должны прогресивно развиваться. Всѣ согласны также, что задача европейскихъ народовъ заключается именно въ томъ, чтобы внушить восточнымъ племенамъ и народамъ идеи права и посвятить ихъ въ вѣчныя и благія начала, поставившія Европу во главѣ цивилизаціи и человѣчества.

Эти идеи сильно благопріятствовали небывалому развитію мирныхъ и торговыхъ сношеній съ азіатскими странами, которыя до послѣдняго времени были недоступны для иностранцевъ. Понятно, что подданные цивилизованныхъ государствъ могли широко и безнаказанно эксплуатировать населеніе нехристіанскихъ земель, открывшихъ свои порты и свои города для европейской торговли насильственно или по дружелюбному соглашенію. Наконецъ, эти сношенія были опредѣлены во множествѣ конвенцій и договоровъ о торговлѣ и мореплаваніи.

Таково дѣйствительное положеніе вещей и таковы сношенія, фактически существующія между образованными и необразованными народами. Но если спросить себя, какъ представляетъ

кументы, о которыхъ упоминается въ этомъ очеркѣ, почерпнуты изъ офиціальныхъ источниковъ, обнародованныхъ въ разное время англійскимъ правительствомъ въ Blue books.

эти отношенія наука международнаго права и какъ она опредѣляетъ ихъ юридически, то отвѣтъ будетъ затруднителенъ. Въ самомъ дѣлѣ, наука международнаго права не только не нашла еще твердыхъ правилъ для опредѣленія отношеній между народами существенно различной культуры, но и не сдѣлала даже ни одной серьезной попытки къ разрѣшенію этой задачи.

Было бы напраснымъ трудомъ искать какого-нибудь отвѣта у классическихъ писателей по международному праву. Ни Гроцій, ни Ваттель, ни г. Фр. ф.-Мартенсъ не могли разсуждать о вопросѣ, предложенномъ наукѣ только въ началѣ текущаго столѣтія, если не принимать въ разсчетъ сношеній европейскихъ державъ съ Оттоманской имперіей. Во всякомъ случаѣ, преимущественно по отношенію къ Турціи, европейскія державы, и въ особенности Россія, издавна полагали свою задачу въ охраненіи интересовъ христіанской религіи и европейской цивилизаціи. Но сношенія съ Турціей все-таки не были изучаемы съ точки зрѣнія права, за исключеніемъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ, принадлежащихъ послѣднему времени *).

Впрочемъ, съ точки зрѣнія Ваттеля, Мартенса и другихъ было вполнѣ невозможно установить для сношеній съ варварскими народами какія бы то ни было правила, согласныя съ природой этихъ отношеній.

Такъ напр., по мнѣнію Ваттеля, международное право „состоитъ въ справедливомъ и разумномъ примѣненіи естественнаго права къ дѣламъ и поведенію народовъ или государей“ **).

Ваттель возстаетъ противъ тѣхъ, которые смѣшиваютъ „обыкновенное естественное право“ (le droit naturel ordinaire) съ международнымъ правомъ. Надо ихъ различать, говоритъ онъ; однако, всякій, кто только имѣлъ случай обращаться къ сочиненію Ваттеля, ставшему классическимъ, благодаря особенно эластичности его принциповъ и очень полезнымъ для диплома-

*) Наиболѣе удачная попытка принадлежитъ, безъ сомнѣнія, краснорѣчивому и остроумному перу г. Ролэнъ-Жэкмэна, Revue de droit international, VIII, 293—385, 511—544; X, 7—59.—Étude sur la question d'Orient. Gand. 1877—1878.

**) Vattel, Préface.

товъ противорѣчіямъ, которыми изобилуетъ эта книга, согласится, что самъ Ваттель разсматриваетъ почти всѣ вопросы международнаго права съ точки зрѣнія естественнаго права. Впрочемъ, самое заглавіе сочиненія Ваттеля не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія: „le droit des gens *ou* principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains". Но если нѣтъ никакого различія между естественнымъ правомъ и правомъ международнымъ, то отношенія между образованными и необразованными народами могутъ быть регулируемы одинаково удобно какъ на основаніи одного, такъ и другого. Ничто не препятствуетъ примѣнять къ отношеніямъ, вполнѣ различной природы, одни и тѣ же правовыя начала. Достаточно одного этого вывода, чтобы доказать, что исходная точка Ваттеля не годится для рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Нисколько не легче найти рѣшеніе и у компетентныхъ представителей современной науки. Съ одной стороны, встрѣчаешь у нихъ очень симпатичныя мысли, дѣлающія честь ихъ авторамъ; съ другой, находишь безнадежную пустоту тамъ, гдѣ, казалось бы, естественно ожидать болѣе глубокаго изслѣдованія вопроса, давно уже имѣющаго полное право на вниманіе ученаго міра.

Почтенный вице-президентъ Иститута международнаго права, г. Блунчли, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Международное право, изложенное въ видѣ кодекса" (§ 7 и слѣд.), говоритъ, что дѣйствіе международнаго права не ограничивается одними европейскими народами, но что область его—весь міръ. Международное право—говоритъ онъ—совпадаетъ съ правомъ всего человѣчества (§ 8).

Принявъ эту теорію, основанную на благородномъ и просвѣщенномъ космополитизмѣ, мы дадимъ международному праву широкое основаніе и всемірное значеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы отнимемъ отъ этого права всякія положительныя его основанія и лишимъ его всякаго практическаго его значенія. Здѣсь достаточно сдѣлать только одно замѣчаніе: при нынѣшнихъ условіяхъ, международное право не приложимо ко всему человѣческому роду.

Какъ примѣнять это право, являющееся произведеніемъ европейской образованности и послѣдствіемъ общихъ моральныхъ и юридическихъ идей цивилизованныхъ народовъ, къ народамъ, не имѣющимъ рѣшительно никакого сознанія объ обязанностяхъ, отсюда вытекающихъ? Возможно-ли признавать за варварскими народами всѣ выгоды этого права, не налагая на нихъ никакого долга, никакой обязанности, никакой отвѣтственности?

Не цивилизованные народы не могутъ нести отвѣтственности за дѣйствія свои, противныя началамъ международнаго права потому, что они неспособны понять основныхъ юридическихъ и нравственныхъ идей, на которыхъ зиждется общеніе европейскихъ или образованныхъ народовъ. При отсутствіи этого существеннаго для обязательной силы международнаго права условія, по нашему глубокому убѣжденію, невозможно отождествлять международное право съ космополитическимъ правомъ, принадлежащимъ всему человѣческому роду.

Съ другой стороны, мы считаемъ недостаточнымъ то, что мы находимъ по этому очень важному вопросу у другихъ писателей, особенно англо-американскихъ, хотя онъ долженъ былъ бы неоднократно имъ представляться. Англія, своими завоеваніями и колоніями въ различныхъ частяхъ земнаго шара, и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, своими отношеніями къ краснокожимъ, должны были бы обращать особенное вниманіе юристовъ на этотъ предметъ. Но и у Филлимора, и у Уитона онъ затрогивается лишь случайно и въ немногихъ словахъ *).

Попытаемся установить тѣ правовыя начала, которыя могутъ быть примѣнены къ сношеніямъ народовъ существенно различной культуры.

Прежде всего, надо разъ навсегда согласиться, что международное право, во всей совокупности своихъ принциповъ, не можетъ опредѣлять отношеній между образованными народами, съ одной стороны, и народами необразованными, съ другой.

---

*) Ср. *Phillimore*, International Law, § CCXLIII.—*Wheaton* (изд. *Дэнэ*), p. 60 (§ 39).—*Dudley Field*, Code, § 79.—*Creasy*, First platform of International Law, § 135. — *Lawrence*, Commentaire sur Wheaton, t. I, p. 146 et suivantes.

Международное право есть совокупность началъ, которыя опредѣляютъ взаимныя отношенія народовъ для достиженія ихъ общихъ культурныхъ цѣлей. Признавая обязательную силу извѣстныхъ юридическихъ началъ, народы тѣмъ самымъ доказываютъ свое сознаніе о существующемъ между ними общеніи, солидарности интересовъ и взаимномъ содѣйствіи ради благъ, недоступныхъ разъединеннымъ ихъ силамъ. Это общеніе народовъ возникло изъ общности стремленій и поддерживается сознаніемъ безусловной необходимости развитія всѣхъ матеріальныхъ силъ и всѣхъ духовныхъ способностей. Эта разумная цѣль не можетъ быть достигнута государствами безъ взаимной помощи, безъ правильныхъ сношеній и безъ сознанія обязанностей, которымъ соотвѣтствуютъ обоюдныя права. Образованные народы убѣждены, что всѣ ихъ успѣхи на пути, ведущемъ къ развитію ихъ способностей и ихъ матеріальныхъ силъ, зависятъ отъ царствующаго между ними согласія.

Это согласіе, въ свою очередь, зависитъ отъ вліянія, которое народы оказываютъ другъ на друга, а это вліяніе есть не что иное, какъ результатъ стремленій и дѣятельности народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Чѣмъ болѣе народъ проникся этою мыслью, тѣмъ болѣе вліянія онъ будетъ имѣть на другихъ; чѣмъ болѣе государство понимаетъ свои обязанности къ другимъ, тѣмъ болѣе будутъ признаваемы и уважаемы собственныя его права.

Международное право есть совокупность законовъ и обычаевъ, присущихъ отношеніямъ народовъ, достигнувшихъ пониманія солидарности и необходимости ихъ соединенія въ одномъ общеніи и подъ охраной одинаковыхъ принциповъ права. Авторитетъ суда и закона основанъ на общеніи людей и на сознаніи ими своихъ взаимныхъ обязанностей. Юридическія отношенія народовъ и авторитетъ международнаго права основаны на общеніи націй и на пониманіи ими своихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Измѣните взаимныя отношенія народовъ, измѣните условія ихъ взаимныхъ сношеній, и вы измѣните вмѣстѣ съ тѣмъ въ основѣ начала права, обязательная сила которыхъ была ими признана. Уничтожьте въ народахъ сознаніе необходимости непрерывнаго обмѣна продуктовъ ихъ умственной и матеріальной дѣятельности, и вы заставите

ихъ сойти съ пути прогреса, остающагося утопіей безъ развитія международныхъ сношеній, безъ охраны международнаго права. Чѣмъ болѣе развиваются сношенія между народами, тѣмъ болѣе международное право утверждается на положительныхъ и непоколебимыхъ основаніяхъ; чѣмъ болѣе народы проникнутся сознаніемъ безусловной необходимости взаимнаго согласія для достиженія разумныхъ цѣлей ихъ жизни, тѣмъ болѣе они приблизятся къ идеалу международнаго общенія, въ которомъ каждый будетъ жить для всѣхъ и всѣ для каждаго *).

Мы можемъ кратко выразить нашу мысль, сказавъ, что международное право примѣнимо только къ тѣмъ народамъ которые находятся, по крайней мѣрѣ *приблизительно*, на одинаковой ступени культуры и прогреса, и взаимныя отношенія которыхъ основаны вообще на одинаковыхъ потребностяхъ жизни, одинаковыхъ привязанностяхъ, одинаковыхъ нравственныхъ стремленіяхъ и одинаковыхъ понятіяхъ о правѣ и справедливости.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы поймемъ, почему европейское международное право не можетъ регулировать сношеній цивилизованныхъ народовъ съ народами дикими или полуварварскими. Жизнь дикарей не знаетъ ни торговли, ни земледѣлія, ни ремеслъ. Въ ихъ средѣ каждое отдѣльное лицо есть свой собственный охранитель, имѣетъ въ виду только свои интересы, и эти интересы защищаетъ оно всѣми своими физическими силами отъ всякаго нападенія. Ничто такъ не характеризируетъ первобытнаго состоянія, какъ невѣроятное отсутствіе согласія и совмѣстной дѣятельности для достиженія общей цѣли, которое замѣчается у дикихъ. Даже во время войны и въ виду неотвратимой опасности трудно убѣдить какое-нибудь дикое племя, что только единство даетъ силу и что взаимная помощь необходима для блага всѣхъ членовъ.

Тѣже самыя отличительныя черты замѣчаются и въ сношеніяхъ одного племени съ другимъ, одного варварскаго народа съ сосѣднимъ, такимъ же варварскимъ народомъ. Въ этихъ сношеніяхъ вполнѣ отсутствуетъ сознаніе необходимости взаимнаго

*) Un pour tous, tous pour un.

сближенія и согласія для достиженія общихъ цѣлей. Сношенія съ иностранцами, если они установились, являются для варварскаго народа прискорбнымъ нарушеніемъ его уединенія, которое остается его идеаломъ и цѣлью его стремленій.

Наконецъ, варварскіе народы не только вовсе не понимаютъ основанія международныхъ отношеній и не могутъ убѣдиться въ необходимости правильныхъ сношеній, но они не могутъ признавать какихъ-либо юридическихъ правилъ, которымъ бы они должны были подчинять свою волю. Явная превосходящая сила только одна въ состояніи заставить ихъ отступить передъ правомъ другого и склониться передъ безусловной необходимостью. Какъ невозможно найти у варварскихъ народовъ сознанія какихъ-либо международныхъ обязанностей, такъ трудно убѣдить ихъ въ необходимости постоянныхъ и дружественныхъ сношеній съ иностранцами *).

Таковы причины, по которымъ намъ кажется несправедливымъ требовать отъ азіатскихъ народовъ соблюденія правилъ, выработанныхъ вѣками общей жизни христіанскихъ и образованныхъ народовъ и основанныхъ на солидарности интересовъ и на одинаковыхъ понятіяхъ о правѣ и нравственности. Всѣ отношенія между образованными народами покоятся на идеѣ *взаимности*. Эта идея недоступна пониманію варварскихъ народовъ. При томъ, если рѣчь идетъ о племени, народѣ, не имѣющемъ твердой общественной организаціи, если у него нѣтъ признанной верховной власти, если даже границы территоріи, на которой онъ живетъ, не поддаются опредѣленію, то, конечно, международныя отношенія въ собственномъ смыслѣ не могутъ установиться съ такимъ народомъ. Національная независимость, верховенство правительственной власти, наличность опредѣленной территоріи и общественной организаціи,— таковы существенныя условія международныхъ сношеній. Мы увидимъ, что до настоящаго времени эти условія не существовали у многихъ туземныхъ народовъ въ Средней Азіи.

---

*) Нѣсколько достойныхъ вниманія размышленій объ этомъ предметѣ можно найти въ Dissertations and discussions Дж. Стюарта Милля, т. I, стр. 161 и слѣд.; т. III, стр. 166.

Исходя изъ этой-же точки зрѣнія, Дж. Ст. Милль говоритъ, что „сказать будто какое-нибудь поведеніе (any conduct whatever) относительно варварскаго народа является нарушеніемъ международнаго права, значитъ доказывать только одну вещь—что тотъ, кто это утверждаетъ, никогда не размышлялъ объ этомъ предметѣ".

Этотъ анализъ основъ, на которыхъ покоятся отношенія между цивилизованными народами и ихъ отличіе отъ варварскихъ народовъ, доказываетъ намъ невозможность примѣненія международнаго права къ сношеніямъ съ азіатскими народами. Слѣдуетъ ли отсюда заключать, что христіанскіе народы не обязаны соблюдать никакихъ правилъ по отношенію къ этимъ дикимъ народамъ? Можно-ли серьезно полагать, что никакой принципъ справедливости, никакой долгъ, никакой законъ не имѣетъ обязательной силы для народовъ Европы въ ихъ отношеніяхъ съ народами Азіи? Справедливо-ли, достойно-ли европейской цивилизаціи объявлять, что ея представители въ международныхъ отношеніяхъ свободны отъ всякихъ ограниченій, отъ всякаго долга и не имѣютъ никакихъ первоначальныхъ и неизмѣнныхъ обязанностей, юридическихъ и нравственныхъ? Конечно, нѣтъ. Право, примѣнимое къ сношеніямъ съ необразованными народами, существуетъ; признавать извѣстные принципы, господствующіе надъ этими отношеніями международной жизни, необходимо; для взаимныхъ сношеній людей существуютъ неизмѣнныя и вѣчныя правила. Это право—*естественное право*; эти начала суть принципы, вытекающіе изъ природы вещей, т. е. изъ особенныхъ отношеній, существующихъ между народами различной культуры; эти неизмѣнныя правила суть правила, предписываемыя намъ нашей совѣстью, этимъ зеркаломъ, въ которомъ отражаются всѣ наши дѣйствія, всѣ наши мысли, всѣ наши чувства, всѣ наши привязанности. Есть идеи, которыя служатъ человѣку какъ-бы началами для оцѣнки всѣхъ дѣйствій и всѣхъ фактовъ реальной жизни. Важнѣйшія изъ этихъ идей суть идеи *истиннаго*, *благаго*, *прекраснаго*, *справедливаго* *). Эти идеи суть «первые элементы мысли, тотъ свѣтъ,

*) Ср. *Ahrens. Cours de droit naturel ou de philosophie du droit*, t. I, p. 105 et suiv.

который освѣщаетъ и руководитъ все человѣческое сознаніе". Эти идеи присущи каждому соціальному строю, каждому человѣку, каждому народу и каждой эпохѣ. Но изъ всѣхъ этихъ идей идея *справедливаго* или *права* имѣетъ исключительную важность для человѣческой жизни: она даетъ намъ возможность судить о томъ, что справедливо и что несправедливо; она знакомитъ насъ съ основными началами общественной жизни и съ первоначальными условіями существующихъ учрежденій и отношеній между народами.

Естественное, а не международное право примѣнимо къ отношеніямъ образованныхъ народовъ, съ народами азіатскими. Его принципы, его идеи, его отвлеченія, его правила, нравственныя и юридическія,—вотъ что должно опредѣлять взаимныя сношенія этихъ двухъ классовъ народовъ. Естественное право излагаетъ отвлеченныя начала, которыя могутъ быть примѣнены ко всѣмъ человѣческимъ положеніямъ и отношеніямъ. Оно выводитъ свои заключенія изъ разума и природы человѣческой, и правила его останутся неизмѣнными и истинными до тѣхъ поръ, пока этотъ разумъ и эта природа не будутъ понимаемы инымъ образомъ и не дадутъ мѣста новому опредѣленію человѣческой жизни и ея конечной цѣли.

Такимъ образомъ, въ Азіи международное право измѣняется въ право естественное, которое также требуетъ, чтобы данное слово честно исполнялось, чтобы жизнь и собственность другого считались священными и неприкосновенными, чтобы дурные инстинкты и страсти уступили свое мѣсто справедливымъ, честнымъ и благороднымъ побужденіямъ. Было бы наивно требовать отъ народовъ, находящихся въ первобытномъ состояніи, такихъ дѣйствій, которыя вытекаютъ только изъ просвѣщеннаго сознанія и объясняются лишь солидарностью интересовъ и взаимностью усилій, направленныхъ къ одной и той же общественной цѣли. Естественное право, въ его примѣненіи къ сношеніямъ народовъ, не предполагаетъ ни сознанія необходимости международныхъ отношеній, ни обдуманной совмѣстной дѣятельности ради достиженія общихъ цѣлей, ни общей дѣятельности народовъ на пути прогресса.

Въ виду существенно-различной природы отношеній съ полу-

дикими государствами или варварскими народами въ Азіи, европейская дипломатія, ставши на эту новую почву, должна также измѣнить свои пріемы, свои средства дѣйствія и свои цѣли. Намъ кажется, прежде всего, безспорнымъ, что въ Азіи, въ которой международныя сношенія существуютъ только *фактически*, не будучи опредѣлены твердыми началами международнаго права, европейская дипломатія гораздо болѣе свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и менѣе стѣснена контролемъ со стороны просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. Эта свобода дѣйствій объясняется, въ значительной степени, недостаткомъ средствъ для быстрыхъ сообщеній, обширностью территорій, на которыхъ дѣйствуетъ дипломатія, неизвѣстностью географическихъ условій этихъ земель, наконецъ, слабостью и невѣдѣніемъ азіатскихъ народовъ о средствахъ защиты своихъ правъ и своихъ интересовъ. Естественно, что при этихъ обстоятельствахъ злоупотребленія силою и нечестныя дѣйствія особенно часто проявляются въ этихъ отдаленныхъ и неизвѣстныхъ странахъ. Но эти злоупотребленія европейской дипломатіи очень нерѣдко вызывались коварствомъ и духомъ вѣроломства полуварварскихъ народовъ и, такимъ образомъ, являлись слѣдствіемъ крайней необходимости.

Дѣйствія европейской дипломатіи въ Азіи могутъ быть разсматриваемы съ двоякой точки зрѣнія, соотвѣтственно азіатскимъ государствамъ, съ которыми она входитъ въ сношенія Въ Азіи существуютъ нѣкоторыя туземныя государства, какъ напр., Персія, Китай и Японія, которыя представляютъ всѣ условія твердой общественной организаціи и правительства которыхъ способны вести правильныя сношенія съ европейскими или образованными народами и принимать на себя отвѣтственность за неприкосновенность собственности и жизни иностранцевъ. Съ этими государствами международныя отношенія могутъ мирно развиваться, и національная ихъ независимость должна быть признаваема столь же неприкосновенной, какъ и цивилизованныхъ государствъ, но только подъ тѣмъ существеннымъ условіемъ, чтобы правительства Персіи, Китая и Японіи были всегда въ состояніи исполнить эти обязанности относительно иностранцевъ и охранять дѣйствительнымъ образомъ

права тѣхъ подданныхъ цивилизованныхъ государствъ, которые находятся на ихъ территоріи. Къ сожалѣнію, ни Персія, ни Китай, ни Японія не представляютъ *всѣхъ* необходимыхъ условій для дѣйствительнаго охраненія иностранцевъ: населеніе этихъ земель еще не проникло необходимостью международныхъ сношеній; отъ времени до времени оно еще продолжаетъ давать свободу своимъ враждебнымъ чувствамъ противъ иностранцевъ, и тогда неслыханныя преступленія противъ жизни и собственности европейцевъ требуютъ энергическаго наказанія со стороны мѣстнаго правительства и дѣйствительнаго вмѣшательства со стороны европейскихъ правительствъ, заинтересованныхъ во внутреннихъ дѣлахъ азіатскаго государства. Наконецъ, ни обычаи, ни нравы, ни законы этихъ азіатскихъ земель не представляютъ всѣхъ необходимыхъ гарантій для прогрессивнаго развитія международныхъ отношеній на основѣ совершеннаго равенства и признанной взаимности. Такова причина существованія консульской юрисдикціи на Востокѣ. Отмѣна такой исключительной юрисдикціи въ этихъ государствахъ будетъ наилучшимъ доказательствомъ, что законодательство ихъ, ихъ обычаи и общественные нравы достаточно обезпечиваютъ права иностранцевъ. Въ такомъ случаѣ международное право замѣнитъ естественное право въ сношеніяхъ съ этими землями, которыя и вступятъ тогда вполнѣ въ союзъ образованныхъ народовъ. Я не думаю, чтобы настало уже время для отмѣны консульской юрисдикціи; я не колеблюсь высказать убѣжденіе, что даже симпатичный японскій народъ, который идетъ по пути прогресса съ замѣчательнымъ рвеніемъ и энергіей, достойной всяческой похвалы, не созрѣлъ еще, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ членомъ семьи образованныхъ народовъ.

Сношенія съ среднеазіатскими независимыми владѣніями Хивы, Бухара, Восточнаго Туркестана и Афганистана представляются въ другомъ видѣ. Дикія племена этихъ земель вообще, и особенно знаменитые туркмены, не имѣютъ никакого опредѣленнаго общественнаго устройства; это—кочевые, полудикіе, живущіе грабежемъ и разбоями народцы. Что касается правительствъ упомянутыхъ ханствъ, то они не хотятъ и очень

часто *не могутъ* ни поддержать порядка въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ, ни обезпечить точнаго исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, ни наказать тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые грабятъ и дѣлаютъ набѣги на сосѣдніе территоріи образованныхъ государствъ. Внутреннія смуты обратились въ этихъ земляхъ въ хроническую болѣзнь; ожесточенные споры между многими претендентами на одинъ и тотъ же престолъ окончательно разстраиваютъ внутренній порядокъ этихъ государствъ; жизнь и имущество иностранцевъ находятся въ постоянной опасности отъ населенія, одушевленнаго самыми дурными инстинктами и самыми звѣрскими намѣреніями. Сосѣднее образованное государство вынуждено вмѣшиваться въ дѣла этихъ ханствъ, просить удовлетвореній, требовать обезпеченій для своихъ подданныхъ, настаивать на уваженіи заключенныхъ обязательствъ и обязывать новыми условіями для лучшаго обезпеченія въ будущемъ безопасности своихъ границъ и уваженія жизни и неприкосновенности собственности своихъ подданныхъ.

„Цивилизованное правительство—говоритъ Дж. Ст. Милль—не можетъ избѣжать сосѣдства варваровъ; если они его сосѣди, то ему не всегда удается занять оборонительное положеніе, дающее ему возможность сопротивляться нападеніямъ. Послѣ болѣе или менѣе долгаго времени терпѣнія, образованное правительство будетъ вынуждено или завоевать этихъ варваровъ, или обезпечить себѣ такую власть надъ ними и настолько сломить ихъ сопротивленіе, что они сдѣлаются зависимыми отъ него“. Знаменитый англійскій философъ приводитъ въ доказательство своей мысли исторію отношеній между англійскимъ правительствомъ и туземными государствами Индіи *). Процессъ гаеквара Бародскаго, судимаго и низложеннаго по приговору англійскаго суда въ 1875 г., можетъ служить иллюстраціей мысли, развитой знаменитымъ писателемъ **).

Мы не можемъ лучше закончить эту характеристику отно-

*) Mill, Dissertations and discussions, t. III, p. 168.

**) Семь Синихъ книгъ объ этомъ процессѣ, изданныхъ англійскимъ правительствомъ въ продолженіи 187.., 1874 и 1875 гг., очень интересны. См. особенно первый томъ: Report of the commission appointed to inquire into the administration of the Baroda State стр. 8, 11, 13, 17, 62 и слѣд.

шеній образованнаго государства къ варварскимъ или полудикимъ землямъ, какъ приведя слѣдующія соображенія, которыми начинается извѣстный дипломатическій циркуляръ князя Горчакова, отъ 21 ноября 1864 года.

„Положеніе Россіи въ Средней Азіи—говоритъ вице-канцлеръ Имперіи—одинаково съ положеніемъ всѣхъ образованныхъ государствъ, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ народами полудикими, бродячими, безъ твердой общественной организаціи.

„Въ подобномъ случаѣ интересы безопасности границъ и торговыхъ сношеній всегда требуютъ, чтобы болѣе образованное государство имѣло извѣстную власть надъ сосѣдями, которыхъ дикіе и буйные нравы дѣлаютъ весьма неудобными.

„Оно начинаетъ, прежде всего, съ обузданія набѣговъ и грабительствъ. Дабы положить имъ предѣлъ, оно бываетъ вынуждено привести пограничные народцы къ болѣе или менѣе прямому подчиненію.

„По достиженіи этого результата, эти послѣдніе пріобрѣтаютъ болѣе спокойные привычки, но, въ свою очередь, они подвергаются нападеніямъ болѣе отдаленныхъ племенъ.

„Государство обязано защищать ихъ отъ этихъ грабительствъ и наказывать тѣхъ, кто ихъ совершаетъ. Отсюда необходимость далекихъ, продолжительныхъ, періодическихъ экспедицій противъ врага, котораго общественное устройство дѣлаетъ неуловимымъ. Если оно ограничится наказаніемъ хищниковъ и потомъ удалится, то урокъ скоро забудется; удаленіе будетъ приписано слабости: азіятскіе народы по преимуществу уважаютъ только видимую и осязаемую силу; нравственная сила ума и интересовъ образованія еще нисколько не дѣйствуетъ на нихъ. Поэтому работа должна постоянно начинаться снова.

„Чтобы быстро прекратить эти постоянные безпорядки, устраиваютъ среди враждебнаго населенія нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ; надъ нимъ проявляютъ власть, которая мало по малу приводитъ его къ болѣе или менѣе насильственному подчиненію.

„Но за этой второй линіей другіе, еще болѣе отдаленные народы скоро начинаютъ представлять такія же опасности и вызывать тѣ же мѣры обузданія.

„Такимъ образомъ, государство должно рѣшиться на что-нибудь одно: или отказаться отъ этой непрерывной работы и обречь свои границы на постоянныя неурядицы, дѣлающія невозможными здѣсь никакое благосостояніе, никакую безопасность и никакое образованіе, или же все болѣе и болѣе подвигаться въ глубь дикихъ странъ, гдѣ разстоянія съ каждымъ сдѣланнымъ шагомъ увеличиваютъ затрудненія и тягости, которымъ оно подвергается.

„Такова была участь всѣхъ государствъ, поставленныхъ въ тѣ же условія. Соединенные Штаты въ Америкѣ, Франція въ Алжирѣ, Голландія въ своихъ колоніяхъ, Англія въ Остъ-Индіи, всѣ неизбѣжно увлекались на путь *того движенія впередъ, въ которомъ менѣе честолюбія, чѣмъ крайней необходимости, и гдѣ величайшая трудность состоитъ въ умѣньи остановиться*“.

Это движеніе цивилизованныхъ государствъ въ земляхъ Средней Азіи, начертанное мастерской рукой въ приведенномъ дипломатическомъ документѣ, опредѣляло направленіе военныхъ дѣйствій и направляло шаги дипломатіи.

Посмотримъ же, какимъ было, въ частности, движеніе русскихъ войскъ въ Средней Азіи и какой характеръ имѣли дипломатическіе переговоры между русскимъ и англійскимъ правительствами, вызванные успѣхами Россіи въ этихъ земляхъ.

II.

Вскорѣ послѣ Крымской войны, Европа съ удивленіемъ узнала о блестящихъ побѣдахъ, одержанныхъ за Ураломъ русскими очень незначительными по числу войсками надъ многочисленными азіатскими полчищами. Завоеваніе многихъ азіатскихъ городовъ вызвало въ англійской прессѣ самые ожесточенные, но крайне несправедливые нападки на чрезмѣрное честолюбіе Россіи и ея безпрестанныя интриги, направленныя противъ Англіи. Всѣ пріобрѣтенія ея въ земляхъ среднеазіатскихъ кочевниковъ англійское общество приписывало наступательнымъ планамъ, направленнымъ русской политикой противъ британскихъ владѣ-

ній въ Индіи. Несмотря на то, что даже знаменитый англійскій географъ Раулинсонъ, въ своей пресловутой запискѣ 1868 г., счелъ себя обязаннымъ признать, что русскіе вынуждаются идти впередъ въ Средней Азіи естественнымъ закономъ, большая часть англійской націи не желала разстаться съ своей излюбленной мыслью, что завоеваніе Восточной Индіи есть конечная цѣль грандіознаго плана, составленнаго съ „московитской“ утонченностью и приводимаго въ исполненіе съ „азіатской“ хитростью. Самыя нелѣпыя обвиненія находили вѣру въ Англіи, самые странные предразсудки выдавались за откровеніе необыкновенной политической мудрости; самыя неосновательныя опасенія становились лозунгомъ для всѣхъ, кто добивался пріобрѣсть сочувствіе и уваженіе своихъ соотечественниковъ.

И однако, какъ просто можно объяснить себѣ всѣ эти завоеванія русскихъ въ Средней Азіи! Какъ естественны причины этого побѣдоноснаго, но, конечно, невольнаго движенія русскихъ войскъ въ степяхъ и пустыняхъ Азіи! Какъ было бы послѣдовательно для Англіи радоваться, что Россія, вступивъ на этотъ безконечный путь завоеваній, борьбы и присоединеній, принуждена растрачивать свои силы и средства, создавать для себя внѣшнія усложненія, задерживать и ослаблять непрерывный ходъ своего внутренняго развитія! Намъ кажется, что Англія должна бы была смотрѣть благосклонно на ту политику Россіи, которая все болѣе и болѣе увлекаетъ ее въ далекія, безплодныя и опасныя предпріятія. Но недовѣріе къ московитской дипломатіи, предубѣжденія, закоренѣлые предразсудки до такой степени обуяютъ еще англійскую націю, что самое естественное, самое простое и самое логичное объясненіе среднеазіатскихъ событій,— оно-то и находитъ себѣ менѣе всего вѣрующихъ. Чтобы ни было, но *должны* быть очень глубокія заднія мысли, тѣмъ болѣе хитрыя, что *никто* не въ силахъ раскрыть ихъ. Въ Англіи съ безпокойствомъ спрашиваютъ себя: какая же настоящая цѣль русскихъ завоеваній? Какъ объяснить, что русскія войска медленно, но постепенно приближаются къ англійскимъ владѣніямъ въ Индіи? Эта конечная цѣль—завоеваніе Индіи,—отвѣчаютъ Англичанамъ страхъ, недовѣріе и закоренѣлые предразсудки.

Посмотримъ, однако, что отвѣчаютъ на эти вопросы холод-

ный разсудокъ, любовь къ истинѣ и знаніе силъ и средствъ Россіи.

Въ годичномъ собраніи Королевскаго географическаго общества въ Лондонѣ, 22 мая 1865 года, знаменитый президентъ Общества, достопочтенный сэръ Родерикъ Мурчисонъ, произнесъ очень замѣчательную рѣчь о среднеазіатскомъ вопросѣ, который уже въ то время лихорадочно волновалъ англійскую публику.

„Надо припомнить—сказалъ сэръ Родерикъ,—что гораздо ранѣе, чѣмъ Англія имѣла учрежденія въ Остъ-Индіи, Цари вели торговлю съ Китаемъ и великими ханствами Бухарскимъ, Самаркандскимъ и другими. Съ незапамятныхъ временъ караваны проходили черезъ земли киргизскихъ кочевниковъ, давно уже бывшихъ подъ русской властью. Въ послѣдніе годы эти торговыя сношенія часто задерживались шайками воинственныхъ и промышляющихъ разбоемъ коканцевъ, которые, перейдя черезъ горы, грабили караваны и киргизскія племена вдоль той части русской границы, которая проходитъ между фортомъ Перовскимъ по Сыръ-Дарьѣ (древній Яксартъ) и большимъ озеромъ Иссыкъ-Куломъ, простирающимся до Китайской границы.

„Рѣшившись наказать эти безпорядки, Оренбургскій губернаторъ приказалъ казачьимъ постамъ оставить безплодную страну, въ которой войска почти не могли содержаться, и двинулъ ихъ къ болѣе плодородной землѣ, гдѣ находится городъ Чемкендъ, который былъ завоеванъ,—землѣ, которая производитъ хлѣба и травы въ достаточномъ количествѣ для продовольствія новой линіи казачьихъ постовъ между фортомъ Перовскимъ и озеромъ Иссыкъ-Куломъ.

„Такой образъ дѣйствія сходенъ съ поведеніемъ, котораго придерживается собственное наше правительство въ Индіи по отношенію ко всѣмъ разбойникамъ на нашей границѣ; но эти факты дали поводъ къ величайшимъ преувеличеніямъ и, между прочимъ, къ слуху о взятіи Кокана.

„Я желалъ бы особенно—продолжалъ почтенный предсѣдатель—заставить тѣхъ моихъ соотечественниковъ, которые только изучали карты Азіи въ масштабѣ 100 миль въ дюймѣ, отказаться отъ нелѣпой мысли, что Русскій Императоръ, взявъ за операціонную базу эту наиболѣе неплодородную, наиболѣе от-

даленную часть своей обширной Имперіи, можетъ имѣть какіе-нибудь замыслы противъ англійской Индіи.

„Еслибъ было найдено средство — что я, зная киргизскія степи, отрицаю—двинуть большую организованную армію чрезъ пустыни Оксуса къ тѣмъ частямъ Китая, съ которыми русскій народъ издавна поддерживалъ торговыя сношенія, то все-таки можно положительно утверждать, что вторженіе въ англійскую Индію въ направленіи отъ новой русской границы вдоль Китая,—границы, которая занята лишь нѣсколькими казачьими постами,—есть *чистая химера, если только не физическая невозможность*“.

Таковъ былъ отвѣтъ, данный сэромъ Родерикомъ Мурчисономъ на вопросъ, который уже въ 1865 году занималъ англійское общество. Авторитетность слова сэра Родерика, неподкупность его характера, его испытанный патріотизмъ были безспорны. Свидѣтельство такого авторитета должно бы было разсѣять нелѣпыя предубѣжденія и заставить замолчать неразумныхъ и пристрастныхъ обвинителей.

Но, увы, этотъ преисполненный такого достоинства и столь безспорно авторитетный языкъ не успѣлъ убѣдить тѣхъ, которые желали во что бы то ни стало видѣть въ поступательномъ движеніи русскихъ войскъ только исполненіе глубокихъ замысловъ, направленныхъ противъ Англіи. Желаніе, которымъ сэръ Родерикъ Мурчисонъ окончилъ свою рѣчь, видѣть утвержденными на прочной и непоколебимой основѣ тѣ дружественныя отношенія, которыя въ теченіи вѣковъ существовали между Россіей и Англіей, — это желаніе не нашло того отклика въ Англіи, какой нашло оно въ сердцѣ русскаго народа.

Уже въ 1864 году общественное мнѣніе въ Англіи до такой степени безпокоилось малѣйшими успѣхами, достигнутыми русской политикой въ среднеазіатскихъ пустыняхъ, что петербургскій кабинетъ нашелъ необходимымъ изложить мотивы своихъ дѣйствій и опредѣлить конечную цѣль, которую онъ преслѣдовалъ. Этотъ отчетъ былъ сдѣланъ въ циркулярѣ 21 ноября 1864 г., начало котораго мы имѣли уже случай привести выше. Князь Горчаковъ излагаетъ съ замѣчательной откровенностью и ясностью

тѣ задачи, которыя должна разрѣшить русская политика въ Средней Азіи.

Доказавъ необходимость противодѣйствія вторженіямъ и враждебнымъ дѣйствіямъ разбойничьихъ племенъ, Императорское правительство объявляетъ, что оно видитъ себя вынужденнымъ: „или увѣковѣчить состояніе постоянной неурядицы, уничтожающей всякую безопасность и всякій прогрессъ, или осудить себя на дорого стоящія и далекія экспедиціи, которыя остаются безъ всякаго практическаго результата и должны постоянно возобновляться, или, наконецъ, вступить на безконечный путь завоеваній и вторженій, приведшій Англію къ господству надъ Индіей, стараясь силою оружія подчинить себѣ одно за другимъ тѣ мелкія независимыя государства, разбойническіе и буйные нравы которыхъ и постоянныя возмущенія не даютъ ни мира, ни покоя ихъ сосѣдямъ.

„Ни то, ни другое изъ этихъ рѣшеній не отвѣчаетъ цѣли, которую предначертала себѣ политика нашего августѣйшаго Государя и которая состоитъ не въ томъ, чтобы расширить внѣ всякой разумной мѣры границы земель, подчиненныхъ его скипетру, но утвердить въ нихъ свою власть на прочныхъ основаніяхъ, обезпечить ихъ безопасность и развить въ нихъ общественное устройство, торговлю, благосостояніе и цивилизацію“.

Въ силу этихъ соображеній система, усвоенная русскимъ правительствомъ, и начала, положенныя имъ въ основаніе своихъ отношеній къ Средней Азіи, заключались въ слѣдующемъ:

„1) Признано необходимымъ, чтобы обѣ укрѣпленныя линіи нашихъ границъ—одна, идущая отъ Китая до озера Иссыкъ-Кула, и другая—отъ Аральскаго моря вдоль Сыръ-Дарьи—были соединены укрѣпленными пунктами такимъ образомъ, чтобы всѣ наши посты могли взаимно поддерживать другъ друга и не оставляли никакого промежутка, чрезъ который могли бы безнаказанно производиться вторженія и грабительства со стороны кочующихъ племенъ.

„2) Существенно необходимо, чтобы дополненная такимъ образомъ линія нашихъ передовыхъ укрѣпленій была расположена въ мѣстности довольно плодородной, чтобы не только обезпечивать ея продовольствіе, но и облегчать правильное ея заселеніе, кото-

рое одно только можетъ подготовить занятой странѣ прочную и счастливую будущность, привлекая къ цивилизованной жизни сосѣдніе народы.

„Наконецъ, 3) *крайне важно опредѣлить эту линію окончательнымъ образомъ, чтобы избѣжать опасныхъ и почти неизбѣжныхъ увлеченій, которыя могли бы, отъ возмездія къ возмездію, привести къ безграничному расширенію*“.

Откровенный языкъ этого дипломатическаго акта удивилъ многихъ лицъ. Они не хотѣли вѣрить, чтобы русское правительство дѣйствительно имѣло искреннее намѣреніе остановиться въ своихъ завоеваніяхъ и не нарушать линію границы, которую оно само себѣ добровольно намѣтило. Этотъ „манифестъ“—говорили они—имѣетъ цѣлью только скрыть исполненіе макіавеллистическихъ плановъ противъ Англіи и Остъ-Индіи.

Повидимому, событія оправдывали эти подозрѣнія. Россія не остановилась на завоеваніи Чемкенда. Въ началѣ 1865 г. новая экспедиція была направлена вдоль Сыръ-Дарьи (Яксарта) противъ бухарскаго эмира, и былъ взятъ и присоединенъ городъ Ташкентъ. Въ 1866 г. снова начались военныя дѣйствія противъ бухарскаго эмира, который задерживалъ нѣсколькихъ офицеровъ русской арміи въ тюрьмѣ. Послѣ новыхъ и блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками, былъ присоединенъ городъ Коканъ съ частью владѣній коканскаго эмира. Всѣ эти новыя пріобрѣтенія вошли въ составъ Туркестанской области, созданной въ то время и подчиненной генералъ-губернатору, резиденція котораго была назначена въ городѣ Ташкентѣ.

Нечего и говорить, что всѣ эти дѣйствія въ Средней Азіи подняли въ Англіи глубокое волненіе. Нѣкоторые англичане съ жаромъ и негодованіемъ старались доказать, что всѣ мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ въ этихъ земляхъ, были въ явномъ противорѣчіи съ торжественными заявленіями ноябрьскаго циркуляра. Они утверждали, болѣе остроумно, чѣмъ основательно, что неуспѣли еще высохнуть чернила, которыми былъ написанъ циркуляръ, какъ всѣ обѣщанія, данныя въ этомъ актѣ, были нарушены и обращены въ мертвую букву. Сэръ Генри Раулинсонъ также повторяетъ это остроумное обвиненіе въ своей *запискѣ* 2 іюля 1868 года.

Мы вовсе не намѣрены защищать циркуляръ 21 ноября противъ подобныхъ обвиненій.

Мы не имѣемъ никакой обязанности вести защиту во чтобы то ни стало. Истина и здравый смыслъ нашли защитниковъ гораздо болѣе компетентныхъ и авторитетныхъ, чѣмъ мы. На обвиненіе г. Раулинсона отвѣтилъ въ 1870 г. достопочтеннѣйшій сэръ Андрью Буканань, бывшій тогда посломъ ея британскаго величества при петербургскомъ дворѣ. Въ депешѣ къ лорду Кларендону отъ 24 января 1870 г. сэръ Андрью Буканань писалъ, между прочимъ, слѣдующее. „Что касается среднеазіатскаго вопроса вообще, то мы охотно вѣримъ, что князь Горчаковъ никогда не написалъ бы своего циркуляра о Чемкендской линіи (т. е. циркуляра 21 ноября 1864 года), которую Россія никогда не должна была переходить, еслибъ онъ предвидѣлъ событія, слѣдовавшія такъ быстро за этимъ актомъ. Но вполнѣ естественно, что правительство (русское) дѣлаетъ въ настоящее время усилія, чтобъ обратить эту территорію, которую оно пріобрѣло, мудро или неблагоразумно, въ источникъ доходовъ для Имперіи; достовѣрно, однако, что она не является таковымъ источникомъ въ настоящую минуту. Почти въ такой же степени достовѣрно, что русскій министръ иностранныхъ дѣлъ рѣшительно возставалъ противъ такого расширенія границы“.

Никто не обвинитъ почтеннаго сэра Андрью Буканана въ пристрастіи къ Россіи; къ тому же, какъ должностное лицо, онъ обязанъ былъ говорить правду, и въ виду его совершенно исключительнаго положенія въ Петербургѣ, дававшаго ему возможность знать истинныя намѣренія русскаго правительства, свидѣтельство его пріобрѣтаетъ особенную цѣну.

Впрочемъ, стоитъ только немного со вниманіемъ и безъ пристрастія перечесть начало циркуляра 21 ноября, чтобы увидѣть проглядывающее почти въ каждой его строчкѣ опасеніе, какъ-бы событія не зашли далеко за желанія русскаго правительства и не толкнули его далѣе по пути, на которомъ оно находилось въ силу обстоятельствъ, очень часто насмѣхающихся надъ свободой и волей людей. Въ своей характеристикѣ поступательнаго движенія образованныхъ государствъ, пришедшихъ въ соприкосновеніе съ полуварварскими народами, авторъ циркуляра доказываетъ, примѣ-

ромъ самой Англіи, что „крайняя необходимость“ и роковая судьба принуждаютъ эти государства продолжать идти по пути завоеваній, присоединеній и военныхъ экспедицій, чтобы укрѣпить уже сдѣланныя пріобрѣтенія и обезпечить спокойствіе населеній, уже подчиненныхъ. Величайшее затрудненіе—говорилось въ циркулярѣ—состоитъ въ умѣньи остановиться. Вотъ почему безспорно, что три начала, провозглашенныя въ этомъ дипломатическомъ актѣ, какъ и намѣченная линія границы, были выставлены съ формальнымъ ограниченіемъ, что русское правительство не будетъ вынуждено „крайней необходимостью“ продолжать свое движеніе въ глубь Средней Азіи. Вотъ почему мы не видимъ никакого „явнаго противорѣчія“ между циркуляромъ 21 ноября 1864 г. и послѣдующими присоединеніями, сдѣланными Россіей въ Азіи.

Мы готовы признать основательность этого обвиненія только при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: 1-е, если намъ докажутъ, что обстоятельства, вынудившія и заставившія Россію перейти за линію Чемкенда, не были обстоятельствами, *независѣвшими* отъ воли Россіи, и 2-е, если намъ представятъ доказательства, что обширныя пріобрѣтенія въ Средней Азіи *дѣйствительно* выгодны для Россіи, а не стоятъ ей гораздо дороже, чѣмъ сколько они принесли ей пользы до настоящаго времени. Представить оба эти доказательства намъ кажется дѣломъ очень труднымъ, если не невозможнымъ.

Что касается насъ, то мы позволяемъ себѣ сдѣлать ноябрьскому циркуляру упрекъ другого рода. Въ виду закоренѣлыхъ предразсудковъ и предубѣжденій относительно Россіи, издавна господствующихъ въ Англіи, циркуляръ можетъ быть долженъ былъ бы быть менѣе откровеннымъ и болѣе *московитскимъ*.

Во всякомъ случаѣ, какое бы ни было мнѣніе о циркулярѣ 21 ноября 1864 года, одинъ фактъ остается вполнѣ несомнѣннымъ: кочевые и дикіе народы Азіи нисколько не признавали добрыхъ намѣреній Россіи. „Было очевидно — говоритъ одинъ французскій военный писатель, что спокойствіе и благосостояніе въ этихъ земляхъ не будутъ существовать для Россіи до тѣхъ

поръ, пока она не присоединитъ четыре государства: Хиву, Коканъ, Самаркандъ и Бухару“ *).

Если исходить изъ той точки зрѣнія, что роковая необходимость вынуждала Россію на завоеваніе этихъ четырехъ ханствъ, то ясно, что всѣ дипломатическіе протесты должны были оставаться безплодными до тѣхъ поръ, пока означенная цѣль не будетъ достигнута. Тѣмъ не менѣе, только время могло убѣдить англійское правительство, что русскія войска могли быть остановлены не иначе, какъ силою оружія; слава Богу!—благодаря здравомыслію государственныхъ людей, которымъ до послѣдняго времени было вверено управленіе дѣлами въ Англіи и въ Россіи, міръ былъ избавленъ отъ этой ужасной возможности, послѣдствія которой были бы неисчислимы. Дипломатическіе переговоры между двумя правительствами всегда отличались примирительнымъ духомъ и искреннимъ желаніемъ сохранить добрыя отношенія. Только въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ, когда въ Доунингстритѣ утвердилось консервативное министерство и возобновился, въ 1875 г. неисчерпаемый Восточный вопросъ, сношенія между Россіей и Англіей по поводу Средней Азіи приняли болѣе враждебный характеръ и языкъ дипломатическихъ нотъ сдѣлался менѣе дружелюбнымъ.

Въ 1865 г., когда во главѣ англійскаго департамента иностранныхъ дѣлъ стоялъ лордъ Россель, между Англіей и Россіей было полное согласіе. Лордъ Россель поручилъ г. Ломлею (Lumley), англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ, заявить русскому правительству, что онъ вполнѣ раздѣляетъ чувства, выраженныя по среднеазіатскому вопросу сэромъ Родерикомъ Мурчисономъ, и что вслѣдствіе этого онъ также убѣжденъ, что всѣ опасенія на счетъ завоеванія британскихъ владѣній въ Индіи суть «чистыя химеры» (нота лорда Росселя отъ 31 іюля 1865 г.). Однако, въ виду успокоенія страстей, возбужденныхъ въ Англіи русскими завоеваніями, и чтобы предупредить возможность недоразумѣній въ будущемъ, лордъ Россель предложилъ обмѣняться дипломатическими но-

*) Paquin, *La Russie et l'Angleterre dans l'Asie centrale.* Paris, 1878, p. 11.

тами для выясненія взаимнаго положенія Россіи и Англіи въ Средней Азіи.

Это предложеніе не нашло у русскаго правительства желаемаго пріема. Князь Горчаковъ отвѣтилъ англійскому повѣренному, что онъ не видитъ никакой необходимости въ обмѣнѣ заявленій, потому что, съ практической точки зрѣнія, онъ не понимаетъ пользы этого шага. Русскій Императоръ уже объявилъ о своихъ намѣреніяхъ касательно новыхъ пріобрѣтеній въ Азіи и потому было бы излишне дѣлать новое заявленіе. Тѣмъ не менѣе, въ виду опасеній англійскаго правительства, русскій Императоръ соизволилъ, въ сентябрѣ, снова заявить послу Великобританіи «что правительство его не имѣетъ никакого честолюбиваго плана въ Средней Азіи; что языкъ его правительства объ этомъ предметѣ вполнѣ свободенъ отъ оговорокъ или заднихъ мыслей». Наконецъ, князь Горчаковъ неоднократно повторялъ представителю Англіи, что торговые интересы и необходимость обезпечить спокойствіе земель, пріобрѣтенныхъ въ Азіи, одни остаются конечной цѣлью русской политики.

До какой степени англійское правительство было удовлетворено дружественными объясненіями со стороны Россіи, это можно видѣть изъ очень замѣчательной депеши сэра Стаффорда Норскота, отъ 26 декабря 1867 г. Сэръ Стаффордъ Норскотъ занималъ въ то время въ консервативномъ министерствѣ высокій постъ статсъ-секретаря по индійскимъ дѣламъ.

Давъ подробныя наставленія вице-королю Остъ-Индіи на счетъ его отношеній къ Афганистану, глава индійскаго департамента (India Office) переходитъ къ среднеазіатскому вопросу и къ успѣхамъ русскаго оружія въ Средней Азіи.

„Въ этомъ отношеніи—продолжаетъ сэръ Стаффордъ Норскотъ—правительство ея величества не видитъ никакого основанія для опасеній или какихъ-либо безпокойствъ. *Завоеванія, уже сдѣланныя Россіею, равно какъ и тѣ, которыя она, какъ кажется, сдѣлаетъ еще въ Средней Азіи, представляются англійскому правительству естественнымъ послѣдствіемъ обстоятельствъ, въ которыя она была поставлена, и не*

дают ни малѣйшаго повода для представленій, вызываемыхъ подозрѣніемъ или страхомъ въ отношеніи этой страны".

Необходимо замѣтить, что это было сказано въ концѣ 1867 года, когда русскія войска давно уже перешли за линію Чемкенда. Такимъ образомъ приведенныя слова сэра Стаффорда Норскота служатъ лучшимъ опроверженіемъ страстныхъ обвиненій, которыя были направлены противъ русскаго ноябрьскаго циркуляра 1864 года. Затѣмъ, сэръ Стаффордъ Норскотъ, конечно, желалъ присоединить свой безспорный авторитетъ въ этомъ вопросѣ къ голосу тѣхъ, которые и позднѣе нисколько не потеряли своего хладнокровія и объясняли совершенно естественными причинами новыя русскія завоеванія въ Азіи. Намъ остается только заявить наше искреннее сожалѣніе, что сэръ Стаффордъ Норскотъ не нашелъ уже болѣе въ 1878 г., будучи канцлеромъ казначейства, тѣхъ объясненій и доводовъ, могущихъ устранить всякій страхъ относительно русской политики въ Средней Азіи, которые онъ сообщилъ калькутскому правительству въ 1867 г., какъ глава индійскаго департамента. То, что было вполнѣ естественно и справедливо тогда, осталось таковымъ и въ это время. Сэръ Стаффордъ Норскотъ защищалъ въ 1867 г. самый *принципъ* поступательнаго движенія Россіи въ Средней Азіи; но несомнѣнно, что этотъ же принципъ остался *основаніемъ* пріобрѣтеній Россіи и *мотивомъ* русской политики и до настоящаго времени. Это основаніе было какъ нельзя лучше объяснено сэромъ Родерикомъ Мурчисономъ и сэромъ Стаффордомъ Норскотомъ. Единственный и законный мотивъ русской политики въ Средней Азіи былъ заявленъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, торжественно и лицами, наиболѣе компетентными въ Россіи.

Какъ бы то ни было, но съ 1868 г. въ англійскомъ общественномъ мнѣніи замѣчается гораздо болѣе безпокойства за судьбу Остъ-Индіи, чѣмъ прежде. Англійская печать постоянно обсуждаетъ среднеазіатскій вопросъ и, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, выказываетъ такую враждебность къ Россіи, что правительство англійское сочло своимъ долгомъ просить у петербургскаго кабинета новыхъ успокоительныхъ

объясненій. Партія лондонскихъ руссофобовъ рѣшительно желала играть роль капитолійскихъ гусей.

Какъ же объяснить этотъ новый припадокъ недовѣрія и дѣтскаго страха? Сдѣлала ли Россія въ 1868 г. такія пріобрѣтенія въ Азіи, что индійскія границы были уже на пушечный выстрѣлъ отъ русскихъ? Измѣнилось ли вдругъ поведеніе русскаго правительства, отличавшееся такой безмѣрной откровенностью и довѣріемъ, столь дурно отплаченнымъ?

Ничего подобнаго не случилось въ 1868 г. Правда, Россія завоевала Самаркандъ послѣ блестящаго пораженія, нанесеннаго войскамъ бухарскаго эмира. Но эти новые успѣхи нисколько не были непредвидѣнными и не могли никого удивлять, такъ какъ они давно уже были предсказаны всѣми компетентными лицами.

Мы должны приписать заслугу возбужденія въ 1868 г. новой бури въ Англіи по поводу среднеазіатскихъ событій достопочтенному сэру Генри Раулинсону. Этотъ англійскій дипломатъ и писатель занимаетъ видное мѣсто между тѣми европейскими знаменитостями, которыя могутъ съ знаніемъ дѣла говорить о положеніи государствъ въ Средней Азіи. Сэръ Генри Раулинсонъ—отличный географъ и безспорно даровитый дипломатъ. Но онъ зараженъ духомъ преувеличенія совершенно необыкновеннымъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что достаточно знать политическія и соціальныя условія, въ которыхъ находятся полудикія государства Средней Азіи, чтобы непогрѣшимо судить о намѣреніяхъ великой европейской державы и о близкомъ будущемъ Азіи.

Въ началѣ іюля 1868 года сэръ Генри Раулинсонъ представилъ англійскому правительству записку, въ которой онъ поддерживалъ, всею силою своего признаннаго авторитета, мнѣнія, носившія на себѣ отпечатокъ дурно скрытаго недовѣрія по отношенію къ Россіи. Мысли, развитыя въ этомъ актѣ, сдѣлавшемся историческимъ, были распространены всевозможными средствами въ обществѣ, и самъ сэръ Генри Раулинсонъ, своими сочиненіями, значительно способствовалъ развитію въ Англіи той болѣзни, которую можно назвать среднеазіатской

горячкой *). По крайней мѣрѣ, для насъ безспорно, что новая политика министерства Бэконсфильда относительно эмира Шира-Али и Россіи была въ значительной степени внушена запиской 1868 года. Въ этомъ актѣ легко узнать программу политики „научныхъ границъ".

Но посмотримъ, какіе новые совѣты дастъ г. Раулинсонъ своему правительству.

Основываясь на исторіи всѣхъ русскихъ завоеваній въ Средней Азіи, авторъ доказываетъ, что дни Кокана, Бухары и Хивы—этихъ трехъ независимыхъ государствъ—сочтены и что Россія безусловно хочетъ устроить свои аванпосты на берегахъ Океуса. Въ виду этой русской политики, сэръ Генри Раулинсонъ спрашиваетъ: что будетъ съ англійской Индіей, когда въ Средней Азіи установится новый порядокъ вещей? Сдѣлается-ли Англія сильнѣе, или слабѣе, вслѣдствіе распространенія власти Россіи до центра Азіи?

По мнѣнію ученаго автора, значительная часть британскаго общества отнеслась благопріятно къ этому поступательному движенію русской арміи, въ той мысли, что утвержденіе порядка, образованія и христіанскаго правительства тамъ, гдѣ царили невѣжество, жестокость и безначаліе фанатическихъ узбековъ, можетъ быть только выгодно. Многіе англичане заранѣе радовались будущему развитію торговыхъ сношеній въ этихъ краяхъ. Эта точка зрѣнія не обращаетъ никакого вниманія на политическія соображенія. Въ Россіи—очень ловко продолжаетъ сэръ Генри Раулинсонъ—общественное мнѣніе выказываетъ гораздо болѣе дальновидности и политическаго смысла, чѣмъ большинство общества въ Англіи и въ Остъ-Индіи. Русская печать—утверждаетъ онъ—„*единодушно* рѣшила, что эти успѣхи (русскихъ войскъ) должны быть непріятны (distasteful), если не опасны" для Англіи. Въ доказательство этого смѣлаго утвержденія, сэръ Генри Раулинсонъ приводитъ нѣсколько извлеченій изъ писемъ, напечатанныхъ въ одной московской газетѣ въ 1867 г. Г. Григорьевымъ. Показавъ этими выдержками, что вся

*) Главное его сочиненіе о среднеазіатскомъ вопросѣ издано подъ заглавіемъ: *England and Russia in the East*, 1876.

Россія горячо желаетъ похода въ Индію, англійскій дипломатъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса, какую *дѣйствительную* опасность представляетъ сосѣдство Россіи въ Средней Азіи?

Онъ сознается, что англійское господство въ Индіи не установилось еще до настоящаго времени на достаточно прочныхъ основаніяхъ, чтобъ не бояться никакой внѣшней опасности и никакого нападенія извнѣ. Покоренное населеніе Индіи представитъ благопріятную почву для интригъ Россіи. Вслѣдствіе завоеванія Бухары, вліяніе Россіи въ Кабулѣ должно сдѣлаться преобладающимъ. Сэръ Генри Раулинсонъ настаиваетъ съ особенной энергіей на важномъ значеніи Афганистана для Индіи. Правда, онъ самъ называетъ „почти химерической“ (allmost chimerical) вѣроятность вторженія Россіи чрезъ Кабулъ. Если иностранная армія подступитъ къ индійскимъ границамъ, то, безъ сомнѣнія, по пути къ Герату и Кандагару.

Однако, Англія не можетъ оставаться равнодушной къ распространенію русскаго вліянія на Афганистанъ: въ этой странѣ должна исключительно господствовать воля англійскаго правительства. Г. Раулинсонъ нисколько не сочувствуетъ политикѣ сэра Джона Лауренса, бывшаго въ то время вице-королемъ въ Остъ-Индіи, — этой политикѣ „искусснаго бездѣйствія“ (masterly inactivity), какъ ее тогда называли. Напротивъ, всѣ его симпатіи на сторонѣ „славной“ доктрины лорда Окланда, по мнѣнію котораго слѣдовало создать на сѣверовосточной границѣ Индіи *„сильную и дружественную державу“*. Это единственная политика, которую г. Раулинсонъ признаетъ справедливой и согласной съ интересами англійскаго господства въ Индіи.

Англія должна занять въ Афганистанѣ преобладающее и несокрушимое положеніе. Эта цѣль должна быть достигнута во что бы то ни стало и насколько возможно быстро. „Во имя интересовъ мира—говоритъ сэръ Генри Раулинсонъ, — во имя интересовъ торговли, во имя нравственнаго и матеріальнаго развитія (кого?), можно сказать, что вмѣшательство въ дѣла Афганистана сдѣлалось въ настоящее время долгомъ и что умѣренныя жертвы или отвѣтственность, которыя мы возьмемъ

на себя, возстановляя порядокъ въ Кабулѣ, будутъ признаны въ будущемъ за настоящую экономію".

Наконецъ, чтобы доказать неоспоримымъ образомъ честолюбивые замыслы Россіи, сэръ Генри Раулинсонъ приписываетъ русскимъ властямъ блестящій планъ завоеванія Индіи. „Слѣдя по картѣ поступательное движеніе русскихъ въ Средней Азіи, поражаешься—говоритъ онъ—сходствомъ этого движенія съ военными операціями заложенія параллелей противъ осаждаемой крѣпости. Первая параллель была проведена, двадцать лѣтъ тому назадъ, по направленію отъ Каспійскаго моря, черезъ Оренбургъ и Сибирскія степи, къ Иртышу. Это была „линія наблюденія". Вторая линія — линія „демонстраціи" — пройдетъ отъ Каспійскаго моря, чрезъ Красноводскъ къ Оксусу, къ югу отъ Хивы, и прослѣдуетъ по теченію Оксуса до Памирскаго плоскогорья. Наконецъ, третья параллель пойдетъ отъ города Астеро по Персидской границѣ къ Герату и отсюда къ Оксусу, или, вѣроятно, пройдетъ чрезъ Кандагаръ къ Кабулу. Тогда будетъ неизбѣжно занятіе *Мерва*, и эта операція дастъ Россіи „ключъ" отъ Индіи. Наконецъ, когда Россія утвердится на этой базѣ, положеніе ея сдѣлается грознымъ".

Въ виду этой неизбѣжной опасности, сэръ Генри Раулинсонъ настоятельно совѣтуетъ англійскому правительству принять, пока есть время, дѣйствительныя мѣры для отвращенія катастрофы, которая будетъ тѣмъ болѣе ужасна, что Англія не пользуется любовью подвластныхъ ей населеній. Онъ совѣтуетъ занять какимъ-нибудь образомъ городъ Кветту и „дополнить и развить" сообщенія на афганскихъ границахъ, важное стратегическое значеніе которыхъ безспорно. Наконецъ, англійское правительство обязано также, для обезпеченія безопасности своихъ остъ-индскихъ владѣній, занять равнымъ образомъ господствующее положеніе при Тегеранскомъ дворѣ, чтобы освободить Персію отъ русскаго ига.

Таково точное содержаніе записки сэра Генри Раулинсона.

Вдумываясь въ мысли англійскаго государственнаго человѣка, высказанныя въ 1868 г., и припоминая недавнія событія въ Средней Азіи, всякій согласится съ нами, что эта записка, въ самомъ дѣлѣ, послужила программой для англійской

политики. Городъ Кветта, во время полнаго мира, былъ занятъ англійскими военными силами *); послѣдняя война съ Афганистаномъ имѣла своимъ результатомъ новое опредѣленіе границъ между Индіей и этой страной; въ силу мирнаго договора, заключеннаго съ эмиромъ Якубомъ-Ханомъ, вліяніе англійскаго правительства въ Кабулѣ должно сдѣлаться не только преобладающимъ, но исключительнымъ.

Сэръ Генри Раулинсонъ можетъ быть доволенъ достигнутымъ. Онъ явился творцомъ англійской „highly spirited“ политики въ Средней Азіи. Англійскіе министры были послушными исполнителями его совѣтовъ и его предложеній.

Но намъ всё-таки кажется преждевременнымъ утверждать въ настоящую минуту, что послѣдніе достигнутые англійскимъ правительствомъ результаты въ Средней Азіи принесутъ всѣ ожидаемые отъ нихъ плоды. Мы позволяемъ себѣ выразить наше сомнѣніе, чтобы политика, предложенная старымъ англійскимъ дипломатомъ, была дѣйствительно наиболѣе соотвѣтствующей жизненнымъ интересамъ британскихъ владѣній въ Остъ-Индіи. Мы постараемся, въ другое время, подробно доказать, что политика искусснаго бездѣйствія сэра Джона Лауренса, получившая одобреніе и поддержку со стороны такихъ государственныхъ людей, какъ лордъ Майо, лордъ Норсбрукъ и герцогъ Аргайль, была гораздо болѣе выгодна для англійской Индіи,

---

*) Ширъ-Али имѣлъ полное право смотрѣть на занятіе Кветты англійскими войсками, какъ на дѣйствіе, открыто направленное противъ него самого. Онъ признавалъ за собою право владѣнія этимъ городомъ еще со временъ Ахмеда-Шаха-Дурана. Послѣ занятія этого города англичанами, Ширъ-Али сказалъ турецкому посланнику, что англичане „поставили караулъ (an armed man) у задней двери его собственнаго дома“ съ тѣмъ, чтобы „ворваться въ него во время его сна“. Сравн. *Grattan Geary*, Through Asiatic Turkey, т. II, стр. 323 и отличное сочиненіе *Eastwick*, Lord Litton and the Afghan War, 1879, стр. 55, 86. При такихъ обстоятельствахъ ссылка англичанъ на договоръ съ эмиромъ Келатскимъ, согласившимся на занятіе Кветты, не имѣетъ приписываемаго этому акту юридическаго значенія. См. впрочемъ *Correspondence respecting the relations between the English government and that of Afghanistan since the accession of the Ameer Shir Ali Khan*, London, 1878, стр. 47, 180 и слѣд. и другой „Blue book“ Central Asia and Quetta, 1879, стр. 5, 7, 13, 19 и слѣд.

чѣмъ политика „highly spirited“ сэра Генри Раулинсона, маркиза Салисбёри и графа Бэконсфильда.

Въ настоящую минуту мы считаемъ излишнимъ подвергать записку 1868 г. подробной критикѣ, тѣмъ болѣе, что эта критика была уже сдѣлана гораздо болѣе насъ компетентными лицами. Мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Кромѣ очевидныхъ противорѣчій, которыми изобилуетъ эта записка, мы находимъ въ ней совершенно неосновательныя предположенія. Мы видѣли, какимъ образомъ сэръ Генри Раулинсонъ старается подѣйствовать на ту часть англійской публики, которая не хочетъ знать опасности, вытекающей изъ русскихъ завоеваній. Въ Россіи—говоритъ онъ—вся періодическая пресса, всѣ единодушно желаютъ завоеванія Индіи. Мы обязаны самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ подобнаго утвержденія. Что такое единодушіе существовало въ русской печати въ 1867 или въ 1868 году—это ложь: его не было даже въ 1878 году, когда Англіи угодно было занять открыто враждебное положеніе по отношенію къ Россіи. Неправда также, чтобы письма г. Григорьева, которыми такъ пользуется Г. Раулинсонъ, выражали „чувства и политику русскаго правительства“. Г. Григорьевъ, бывшій предсѣдатель Оренбургской пограничной коммиссіи, а не губернаторъ Восточной Сибири, какъ называетъ его Г. Раулинсонъ, занималъ въ 1867 г. мѣсто профессора въ С.-Петербургскомъ университетѣ и не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на русскую политику. Впрочемъ, и самъ онъ нисколько не притязалъ на роль, которая ему никоимъ образомъ не принадлежала: всѣ отношенія его съ иностранной политикой уже давно прекратились и письма его *не могли* выражать чего-либо иного, кромѣ *личныхъ* его мнѣній. Наконецъ, англійскій посолъ въ Петербургѣ, категорически заявившій своему правительству въ 1870 году, что русское министерство иностранныхъ дѣлъ относилось совсѣмъ не благосклонно къ расширенію русскихъ границъ въ Азіи, могъ, конечно, засвидѣтельствовать тоже самое и въ 1868 году.

Что касается сущности утвержденій и предложеній Г. Раулинсона, то они были замѣчательнымъ образомъ опро-

вергнуты такими же компетентными лицами, какъ и онъ самъ. Записка была сообщена калькутскому правительству, и вице-король, сэръ Джонъ-Лауренсъ, а также главнокомандующій британскими войсками и многія другія изъ высокопоставленныхъ правительственныхъ лицъ въ Индіи взяли на себя трудъ доказать ошибочность доводовъ автора записки. Критическія ихъ замѣчанія были обнародованы не такъ давно въ упомянутой выше Blue book. Почти всѣ представители англійскаго правительства въ Индіи, говоря съ полнымъ знаніемъ о дѣлѣ, нашли, что опасенія Г. Раулинсона и его партіи крайне преувеличены.

Мало того, они имѣли мужество заявить, что до сихъ поръ ничто такъ сильно не вредило обаянію Англіи и безопасности ея индійскихъ владѣній, какъ эти жалобные вопли, раздававшіеся при малѣйшемъ шагѣ впередъ, который дѣлала Россія въ Средней Азіи.

Вотъ что говоритъ объ этомъ главнокомандующій англійскими войсками въ Индіи, г. Мансфельдъ: „Можно по истинѣ утверждать, что безпокойство, обнаруживаемое въ отношеніи Россіи по поводу британскихъ интересовъ въ Индіи, есть наибезразсуднѣйшее (more unreasonable), какое когда-либо я видѣлъ. Какъ великой военной и политической державѣ, намъ буквально нечего бояться Россіи, остановится-ли она у нынѣшнихъ своихъ границъ, или распространитъ свое господство до собственныхъ нашихъ владѣній. Тѣ, которые по какимъ бы то ни было побужденіямъ стараются распространять ложь (falsehood) о нашей слабости въ Индіи, причиняютъ намъ значительный вредъ. Мы просто непобѣдимы въ этой странѣ никакой державой въ мірѣ, если только останемся вѣрны самимъ себѣ (provided we are true to ourselves) *)“.

Полковникъ Тэйлоръ осмѣлился даже высказать ультрапарадоксальную мысль, что было бы наиболѣе желательнымъ установить отношенія между Англіей и Россіей такъ, чтобы пораженіе, нанесенное въ Средней Азіи этой послѣдней державѣ, признавалось въ Англіи бѣдствіемъ для цивилизаціи и прогресса

*) Correspondence respecting Afghanistan (1878), стр. 75.

и, слѣдовательно, настоящимъ зломъ также для Англіи. Г. Тэйлоръ горячо рекомендуетъ самое широкое и самое искреннее согласіе между „двумя народами—братьями по христіанству“ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Средней Азіи.

Это именно и есть та точка зрѣнія, которая, по глубочайшему нашему убѣжденію, всегда останется самой разумной, самой согласной съ интересами Англіи и Россіи и наиболѣе достойной этихъ двухъ великихъ державъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ распространять между варварскими народами Азіи элементы европейской цивилизаціи и европейской культуры.

Но, къ сожалѣнію, не это мнѣніе восторжествовало въ правительственныхъ сферахъ Великобританіи. Критическія замѣчанія, побѣдоносно опровергавшія доводы сэра Генри Раулинсона, имѣли непосредственнымъ практическимъ результатомъ только временную пріостановку исполненія мѣръ, которыя были предложены этимъ человѣкомъ. Но недовѣріе, которое водило его перомъ при сочиненіи записки, должно было скоро и не въ одномъ случаѣ вполнѣ обнаружиться.

III.

Впечатлѣніе, произведенное запиской сэра Генри Раулинсона, не замедлило дать себя почувствовать въ англійской печати и въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Чувства безпокойства и недовѣрія, которыми былъ проникнутъ этотъ документъ, проявились и въ отношеніяхъ между Россіей и Англіей.

Въ началѣ 1869 года, лордъ Кларендонъ вошелъ въ переговоры съ барономъ Брунновымъ, бывшимъ въ то время русскимъ посломъ при с.-джемскомъ дворѣ, по вопросу о томъ, какъ можно было бы успокоить общественное мнѣніе въ Англіи и предупредить усложненія между правительствами по поводу Средней Азіи? Англійскій министръ предложилъ оставить между владѣніями двухъ Имперій въ Азіи „поясъ, который бы предохранялъ ихъ отъ всякаго соприкосновенія“.

Это предложеніе было тотчасъ же принято русскимъ правительствомъ, и князь Горчаковъ, депешей на имя барона

Государственная БИБЛІОТЕКА

Бруннова, отъ 24 февраля (7 марта) 1869 г., поручилъ этому дипломату объявить англійскому правительству, что ничто другое не могло бы лучше отвѣчать намѣреніямъ Императора. „Князь пользуется этимъ случаемъ, чтобы еще разъ просить англійское правительство отказаться отъ всѣхъ старыхъ предубѣжденій. „Оставимъ — пишетъ князь вице-канцлеръ—эти призраки прошлаго, которые должны бы были исчезнуть при свѣтѣ нашего времени!... Съ своей стороны, мы не питаемъ никакого страха къ честолюбивымъ видамъ Англіи въ центрѣ Азіи, и мы вправѣ ожидать такого же довѣрія къ нашему здравому смыслу. Но что можетъ смутить разсудокъ, такъ это взаимное недовѣріе". Наконецъ баронъ Брунновъ былъ уполномоченъ повторить англійскому правительству „положительное увѣреніе, что Его Императорское Величество считаетъ Афганистанъ совершенно внѣ той сферы, въ которой Россія могла бы быть призвана оказывать свое вліяніе. Никакое вмѣшательство, *противное независимости этого государства*, не входитъ въ его намѣренія".

Этотъ дипломатическій актъ по многимъ причинамъ заслуживаетъ нашего вниманія. Прежде всего, онъ еще разъ доказываетъ искреннее желаніе Россіи избѣжать, во чтобы то ни стало, малѣйшаго предлога съ своей стороны къ какимъ-либо недоразумѣніямъ или усложненіямъ съ Великобританіей. Затѣмъ, онъ показываетъ, что честь изобрѣтенія этого хитраго плана „посредствующаго или нейтральнаго пояса" между владѣніями двухъ державъ въ Средней Азіи принадлежитъ лорду Кларендону. Но важнѣйшій пунктъ русской февральской (мартовской) депеши 1869 года—это объявленіе объ *Афганистанѣ*. Всѣ помнятъ, конечно, что очень недавно, по случаю пресловутаго посольства генерала Столѣтова въ Кабулъ, къ эмиру Ширу-Али-Хану, англійскіе журналы и даже министры Англіи неоднократно заявляли, что появленіе этого посольства въ Кабулѣ явно противорѣчитъ обязательствамъ, принятымъ въ отношеніи Афганистана русскимъ правительствомъ. Если вѣрить имъ, то Россія снова нарушила торжественнѣйшія свои обязательства, такъ какъ она дала обѣщаніе никоимъ образомъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла этого государства.

Было бы совершенно излишне доказывать здѣсь, что Россія имѣла полное право принять *враждебныя* мѣры противъ державы, которая испрашивала у парламента шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ для приготовленій къ войнѣ съ Россіей. Самыя элементарныя начала неотъемлемаго права личной обороны налагали на нее *обязанность* принять оборонительныя мѣры противъ воинственнаго пыла англійскаго правительства.

Но любопытно то, что англичане совершенно забыли декларацію князя Горчакова 1869 года, на основаніи которой Россія рѣшила не вмѣшиваться въ дѣла Афганистана способомъ, противнымъ самостоятельности этого государства. Изъ этого условія логически слѣдуетъ, что всякое вмѣшательство Россіи, *непротивное самостоятельности Афганистана*, дозволено и законно. Поэтому посольство генерала Столѣтова въ Кабулъ, *даже* съ точки зрѣнія заключенныхъ обязательствъ и изданныхъ декларацій, было вполнѣ законнымъ, потому ужъ, что оно не было направлено противъ независимости Афганистана.

За то Англія съумѣла положить конецъ самостоятельности Афганистана мирнымъ договоромъ, который она заключила съ эмиромъ Якубомъ-Ханомъ.

Впрочемъ, надо сознаться, что русское правительство само дало поводъ къ ложному истолкованію своихъ намѣреній относительно Афганистана. Мы видимъ, что афганскій вопросъ постоянно остается на очереди, и русское правительство было вынуждено неоднократно возобновлять заявленія о своихъ намѣреніяхъ по отношенію къ этому государству. Эти заявленія не всегда бывали такъ ясны, такъ категоричны и такъ просты, какъ депеша 7 марта 1869 года. Напр., въ русскомъ меморандумѣ 17 апрѣля 1875 г. говорится, между прочимъ, что „въ виду этихъ соображеній было рѣшено, что Афганистанъ образуетъ *независимое* государство, которое должно оставаться внѣ сферы дѣйствія Россіи“. Эти послѣднія слова *могли бы*, еслибъ они не были освѣщены общимъ духомъ разсматриваемаго акта и сравнены съ конечными его заключеніями, дать мѣсто тому толкованію, что Афганистанъ во всѣхъ отношеніяхъ долженъ оставаться внѣ сферы дѣйствія Россіи. Но въ

виду депеши 1869 года и даже конечныхъ заключеній меморандума 1875 г., приведенныя слова справедливо истолковать въ томъ смыслѣ, что названное азіатское государство останется внѣ дѣйствія Россіи только до тѣхъ поръ, пока оно не утратитъ своей самостоятельности. Другими словами, Россія обязалась, съ одной стороны, не вмѣшиваться въ дѣла Афганистана съ цѣлью лишить его самостоятельности и, съ другой— занимать это пассивное положеніе въ отношеніи Афганистана только до того времени, пока онъ не перестанетъ быть самостоятельнымъ государствомъ *).

Какъ бы то ни было, но намъ кажется безспорнымъ, что депеша 1869 года должна быть принята за *основаніе* всѣхъ послѣдующихъ переговоровъ, касавшихся положенія Афганистана. Въ этомъ актѣ русское правительство заявило самымъ простымъ и самымъ категорическимъ образомъ о дѣйствительныхъ своихъ намѣреніяхъ по этому вопросу. Надо всегда обращаться къ декларацiи 1869 года для разъясненія противорѣчій, неразрѣшимыхъ на первый взглядъ, которыя иногда встрѣчаются въ дипломатической перепискѣ слѣдующихъ годовъ.

Лордъ Кларендонъ казался очень довольнымъ дружественными заявленіями, сдѣланными княземъ Горчаковымъ въ депешѣ 7 марта. Однако, онъ измѣнилъ свое мнѣніе относительно Афганистана. Англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ, г. Румбольду, было поручено заявить русскому правительству, что лондонскій кабинетъ рѣшилъ не признавать Афганистанъ нейтральной территоріей, такъ какъ онъ не удовлетворяетъ всѣмъ требуемымъ условіямъ. Глава Foreign Office предлагаетъ признать за линію, имѣющую раздѣлить владѣнія двухъ державъ, рѣку Оксусъ въ той части ея, которая лежитъ къ югу отъ Бухары.

Такая перемѣна во взглядѣ объясняется совершенно естественно желаніемъ с.-джемскаго кабинета имѣть Афганистанъ въ полномъ и неограниченномъ своемъ распоряженіи. Русское

*) Мы очень рады, что наша точка зрѣнія на депешу князя Горчакова 7 марта 1869 г. оказывается, въ принципѣ, согласной со взглядомъ герцога Аргайля, *Eastern Question*, т. II, стр. 289.

правительство не могло согласиться съ новымъ англійскимъ предложеніемъ. Баронъ Брунновъ объявилъ непосредственно лорду Кларендону, что такъ какъ Хива лежитъ къ югу отъ Оксуса, то Россія не можетъ признавать эту страну за нейтральную, потому что въ такомъ случаѣ хивинскій ханъ, не боясь нисколько Россіи, могъ бы безнаказанно продолжать свои набѣги на русскія владѣнія *). Это замѣчаніе представителя Россіи давало ясно понять возможность экспедиціи противъ Хивы.

Еще вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ, какъ въ началѣ сентября 1869 года произошло въ Гейдельбергѣ свиданіе между княземъ Горчаковымъ и лордомъ Кларендономъ. Англійскій министръ снова настаивалъ на необходимости создать „нейтральную полосу“ между владѣніями двухъ державъ въ Средней Азіи. Онъ сказалъ, что собственный опытъ англійскаго правительства доказалъ ему, какъ трудно контролировать дѣйствія генераловъ, честолюбіе которыхъ не имѣетъ границъ. Русское правительство находится въ такомъ же положеніи, и такимъ образомъ столкновеніе между Россіей и Англіей дѣлается почти неизбѣжнымъ.

Князь Горчаковъ вполнѣ согласился съ замѣчаніемъ лорда Кларендона на счетъ безмѣрнаго честолюбія генераловъ и упомянулъ особенно о генералѣ Черняевѣ; однако, сказалъ онъ, со стороны вновь назначеннаго туркестанскаго генералъ-губернатора, генерала Кауфмана, нельзя ничего опасаться.

Послѣ этого обмѣна предварительныхъ замѣчаній, лордъ Кларендонъ перешелъ къ вопросу о предполагаемой линіи, которая должна была раздѣлять владѣнія двухъ державъ. Онъ снова настаивалъ на линіи лѣваго берега Оксуса. Князь Горчаковъ вновь заявилъ, что эта пограничная линія не можетъ быть допущена, что владѣнія бухарскаго эмира переходятъ за эту рѣку и что это ханство должно оставаться подъ вліяніемъ Россіи. Князь заявилъ, что онъ всегда предпочтетъ, чтобъ нейтральной территоріей былъ Афганистанъ, такъ какъ онъ наиболѣе удобенъ для достиженія предположенной цѣли. Но лордъ Кларендонъ замѣтилъ на это, что такъ какъ границы Афганистана не

*) *Correspondence respecting Central Asia*, Лондонъ, 1873 (№ 2). См. депешу лорда Кларендона къ г. Румбольду, отъ 17 апрѣля 1869 г. (стр. 4).

достаточно опредѣлены, то легко могутъ произойти столкновенія между этой страной и другими среднеазіатскими ханствами и вызвать прискорбныя усложненія.

Судя по отчету, который былъ сдѣланъ объ этомъ свиданіи лордомъ Кларендономъ въ его депешѣ къ сэру Андрью Буканану, отъ 3-го сентября 1869 года, обмѣнъ мыслей въ Гейдельбергѣ не привелъ ни къ какому практическому результату; по нашему мнѣнію онъ можетъ доказывать только двѣ вещи: во 1-хъ, согласіе двухъ державъ на установленіе нейтральной области или промежуточнаго пояса, который бы раздѣлялъ англійскія и русскія владѣнія въ Азіи, и во 2-хъ, отказъ признавать такою нейтральною областью Афганистанъ, отказъ, мотивированный только однимъ высказаннымъ основаніемъ, что границы этой территоріи недостаточно ясно опредѣлены. Кромѣ того, видно, что русское правительство никакъ не соглашалось ни на расширеніе афганскихъ границъ до лѣваго берега Оксуса, ни на признаніе этой рѣки пограничною линіею.

Нѣкоторое сближеніе во взглядахъ Россіи и Англіи послѣдовало, однако, благодаря стараніямъ г. Догласа Форсита, замѣчательнаго чиновника индійской службы, который былъ уполномоченъ вице-королемъ Остъ-Индіи, лордомъ Майо, явиться въ Петербургъ для обмѣна мыслей по возбужденнымъ вопросамъ. Прибывъ въ Петербургъ въ концѣ 1869 г., г. Форситъ имѣлъ нѣсколько бесѣдъ съ русскими государственными льдьми. Меморандумъ русскаго правительства, отъ 17 апрѣля 1875 г., сообщенный англійскому правительству, говоритъ объ этомъ нижеслѣдующее:

„Соображенія, изъ которыхъ исходили конфиденціальныя объясненія между г. Форситомъ и Императорскимъ кабинетомъ, сводятся къ слѣдующимъ:

1) Оба правительства были одушевлены одинаковымъ желаніемъ предупредить, насколько это зависѣло отъ нихъ, всѣ поводы къ недоразумѣніямъ, которыя могли бы возникнуть вслѣдствіе недостаточнаго политическаго устройства независимыхъ государствъ, извѣстныхъ въ географіи подъ общими наименованіями Афганистана и вольнаго Туркестана.

2) Было рѣшено, что если Англіи и Россіи приходилось

до настоящаго времени предпринимать военныя экспедиціи въ ту или другую часть Средней Азіи и присоединять къ своимъ владѣніямъ новыя земли, то такой образъ ихъ дѣйствій указывался имъ только силою мѣстныхъ обстоятельствъ и безусловной невозможностью дѣйствовать иначе.

3) *Такъ какъ при существующемъ положеніи дѣлъ русскія и англійскія границы въ Средней Азіи не могутъ признаваться неподлежащими измѣненію и международное соглашеніе объ этомъ предметѣ не имѣло бы силы*, то лучшимъ средствомъ для достиженія удовлетворительнаго результата было признано ограничиться опредѣленіемъ, насколько это представится возможнымъ, общихъ основаній для политическаго равновѣсія земель, которыя раздѣляютъ русскія и англійскія владѣнія въ Азіи.

Въ силу чего было постановлено:

1) Чтобы границами Афганистана считались земли, находящіяся въ дѣйствительномъ владѣніи Шира-Али-Хана.

2) Чтобы Ширъ-Али-Ханъ не добивался ни оказывать какое-либо вліяніе, ни предпринимать вмѣшательства въ земли, лежащія внѣ этихъ границъ, и чтобы англійское правительство прилагало всѣ свои старанія къ отклоненію его отъ всякой попытки къ захвату.

3) Чтобы съ своей стороны русское правительство употребило все свое вліяніе, дабы препятствовать эмиру бухарскому причинять какой-либо вредъ афганской территоріи".

„*Эти начала*"—присовокупляетъ актъ русской дипломатической канцеляціи—„*получили полное одобреніе лондонскаго кабинета и остъиндскаго генералъ-губернатора*" *).

Этотъ отчетъ о переговорахъ съ г. Догласомъ Форситомъ вызвалъ протестъ со стороны англійскаго правительства, сообщившаго с.-петербургскому кабинету меморандумъ (приложенный къ депешѣ лорда Дерби отъ 25 октября 1875), изъ котораго слѣдовало, что г. Форситъ не былъ уполномоченъ ни возобновлять переговоры по вопросу о нейтральномъ поясѣ, ни согла-

*) *Correspondeuse respecting Central Asia*, по 1, стр. 27 и слѣд.

шаться на то, чтобы положеніе такой нейтральной территоріи занималъ на будущее время Афганистанъ.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи другихъ дипломатическихъ документовъ, кромѣ обнародованныхъ англійскимъ правительствомъ, мы не можемъ рѣшить этотъ вопросъ съ достовѣрностью. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать только нѣсколько нижеслѣдующихъ замѣчаній, основанныхъ на документахъ различныхъ *Синихъ книгъ*:

1) Судя по докладамъ самого г. Форсита, представленнымъ великобританскому послу при петербургскомъ дворѣ, переговоры этого чиновника съ русскими государственными людьми не имѣли характера „личныхъ или частныхъ сообщеній“, какъ это утверждается въ англійскомъ меморандумѣ. Какъ этотъ актъ, такъ и доклады г. Форсита свидѣтельствуютъ о существованіи инструкцій, полученныхъ этимъ лицомъ отъ вице-короля Остъ-Индіи, для переговоровъ его въ С.-Петербургѣ.

2) Что касается вопроса о нейтральномъ поясѣ, то русскій меморандумъ никоимъ образомъ не полагаетъ, чтобъ г. Форситъ поднялъ его снова. Переговоры, происходившіе между лордомъ Кларендономъ и княземъ Горчаковымъ въ Гейдельбергѣ, достаточно показали, что взгляды обѣихъ державъ на этотъ вопросъ слишкомъ расходятся, чтобъ можно было имѣть надежду на ихъ соглашеніе. Вопросъ о нейтральномъ поясѣ, возбужденный англійскимъ правительствомъ, былъ имъ самимъ молчаливо оставленъ въ 1869 г.

3) Но оставленіе вопроса о *нейтральной* территоріи нисколько не означало отказа отъ изысканія средствъ, могущихъ предупредить непосредственное сосѣдство русскихъ и англійскихъ владѣній. Переговоры шли именно объ этомъ предметѣ, который былъ главнымъ, по мнѣнію англійскаго правительства. Поэтому естественно, что на положеніе Афганистана было обращено все вниманіе лицъ, которыя вели переговоры. Какъ видно изъ доклада г. Форсита отъ 2 ноября 1869 г., князь Горчаковъ „вполнѣ согласился съ мнѣніемъ лорда Майо“ о *недопустимости* посылки въ Афганистанъ какихъ-либо офицеровъ, *ан-*

лійскихъ или *русскихъ* *) Г. Форситъ не возражалъ ничего противъ такого истолкованія намѣреній лорда Майо. Имѣя въ виду это очень важное обстоятельство, логично заключить, что обѣ стороны признали Афганистанъ совершенно внѣ сферы дѣйствія Россіи и Англіи, т. е. *нейтральнымъ*.

Такое согласіе на счетъ „*недопустимости*“ англійскихъ и русскихъ офицеровъ или чиновниковъ въ Афганистанъ устанавливаетъ отношенія Россіи и Англіи къ этой промежуточной землѣ на основѣ справедливой и разумной взаимности. Но даже по этому важному вопросу обнародованная дипломатическая переписка вызываетъ недоразумѣнія и сомнѣнія, объясняющіяся только неопредѣленностью и опасеніями, существующими во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ державъ.

Англійскій посолъ въ своей депешѣ къ лорду Кларендону отъ 2 ноября 1869 г. передалъ своему правительству докладъ г. Форсита того-же числа. Въ post-scriptum'ѣ къ своей депешѣ сэръ Андрю Букананъ говоритъ, что князь Горчаковъ не видитъ никакого препятствія, чтобы англійскіе офицеры посѣщали Кабулъ, „*though he (the Prince) agreed with Lord Mayo that Russian agents should not do so*“ **).

Здѣсь есть очевидное противорѣчіе, дававшее поводъ къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Надо разъяснить этотъ вопросъ и рѣшить, какому изъ двухъ приведенныхъ актовъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе: post-scriptum'у-ли сэра Андрю Буканана, или докладу г. Форсита.

Выборъ не затруднителенъ.

Англійскій посолъ говоритъ въ своей депешѣ, что прежде чѣмъ отправить докладъ г. Форсита въ Лондонъ, онъ обратился къ князю Горчакову съ просьбой прочесть докладъ и сказать, вѣрно-ли передаетъ онъ тѣ мысли, которыя были сообщены г. Форситу русскимъ правительствомъ. Князь прочелъ въ слухъ записку г. Форсита и объявилъ, что она въ точности передаетъ все, что было имъ сказано; онъ сдѣлалъ лишь одно

*) Correspondence respecting Central Asia, 1873, стр. 13: His Excellency entirely reciprocated Lord Myo's opinion regarding the inadmissibility of sending any officer, either English or Russian, to Afghanistan.

**) Correspondence respecting Central Asia, 1873, стр. 12.

замѣчаніе на счетъ бадакшанской области. Слѣдовательно, слова доклада г. Форсита о посылкѣ офицеровъ въ Кабулъ также совершенно точны. Post-scriptum-же депеши англійскаго посла не было ни прочтено, ни одобрено канцлеромъ имперіи и потому не могло имѣть одинаковой силы съ докладомъ г. Форсита. Наконецъ, въ виду важности вопроса для индійскаго правительства, очень вѣроятно, что еслибы мнѣніе князя Горчакова дѣйствительно противорѣчило инструкціямъ лорда Мэйо, то г. Форситъ, конечно, возражалъ бы противъ такого толкованія намѣреній этого послѣдняго.

Впрочемъ, лучшимъ доказательствомъ того факта, что петербургскіе переговоры съ г. Догласомъ Форситомъ имѣли цѣлью сдѣлать Афганистанъ самостоятельною или нейтральною областью между владѣніями Англіи и Россіи въ Средней Азіи, служатъ дальнѣйшіе дипломатическіе переговоры объ этомъ важномъ вопросѣ.

Въ маѣ 1870 г. англійскій посолъ передалъ русскому правительству депешу лорда Майо, который, исходя изъ установленныхъ началъ и состоявшагося соглашенія, предлагалъ опредѣлить границы владѣній афганскаго эмира Шира-Али на основаніи свѣдѣній, собранныхъ индійскимъ правительствомъ. Согласно этой депешѣ, всѣ области, состоявшія въ то время во владѣніи Шира-Али-Хана, слѣдовало признавать афганской территоріей. Но—убѣдившись, что владѣнія Шира-Али-Хана къ сѣверу и сѣверо-востоку, „повидимому, почти совершенно“ совпадаютъ съ владѣніями его отца, Доста-Магомета-Хана, остъ-индскій генералъ-губернаторъ пришелъ къ заключенію, что границы царства Доста-Магомета могутъ быть вообще приняты „за границы, которыя должны отдѣлять владѣнія Афганистана отъ другихъ среднеазіатскихъ государствъ къ сѣверу и сѣверо-востоку“. Такимъ образомъ въ депешѣ лорда Майо „исходная точка существующаго *uti possidetis* Шира-Али-Хана приводитъ незамѣтнымъ образомъ къ признанію естественной границей Афганистана положеніе владѣній Доста-Магомета-Хана“ *).

*) Депеша князя Горчакова барону Бруннову отъ 1 (13) ноября 1871 г.

„Но, говоритъ русскій меморандумъ 1875 г., во время переговоровъ съ г. Форситомъ было вѣдь условлено придерживаться тѣхъ территорій, которыя издавна уже признавали власть Доста-Магомета и *до настоящаго времени находятся въ дѣйствительномъ владѣніи Шира-Али-Хана*".

Очевидно, что взгляды обоихъ правительствъ весьма существенно расходились. Но до принятія окончательнаго рѣшенія русское правительство сочло необходимымъ собрать всѣ положительныя данныя объ этихъ столь мало извѣстныхъ земляхъ.

Дѣло шло о разъясненіи двухъ вопросовъ: прежде всего, надо было опредѣлить положеніе дѣйствительныхъ владѣній Шира-Али-Хана въ то время,—затѣмъ найти, на основѣ *statu quo*, наилучшее разграниченіе для сферы вліянія обѣихъ европейскихъ державъ.

Собранныя туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ данныя подтвердили, что сѣверную границу Афганистана дѣйствительно составляетъ Аму-Дарья, начиная отъ сліянія ея съ Куштой до переправы Ходжа-Саля. На сѣверо-востокѣ же граница земель, надъ которыми Ширъ-Али имѣлъ безспорную власть, опредѣлялась сліяніемъ Аму-Дарьи съ Куштой. За этой границей власть эмира незамѣтна и ее не существуетъ Такимъ образомъ бадакшанская и вакханская области вовсе не подчинялись Ширу-Али. На этомъ основаніи русское правительство настаивало на признаніи этихъ двухъ земель самостоятельными, и, слѣдовательно, онѣ должны были остаться внѣ границъ, отведенныхъ эмиру Ширу-Али.

Англійское правительство было совершенно другого мнѣнія объ этихъ двухъ земляхъ: оно старалось доказать, на основаніи данныхъ, собранныхъ индійскимъ генералъ-губернаторомъ, что Бадакшанъ и Вакханъ всегда принадлежали кабульскому эмиру и въ то время признавали его власть. Съ своей стороны русское правительство не имѣло никакого основанія сомнѣваться въ точности собранныхъ имъ самимъ свѣдѣній; данныя-же, представленныя лондонскимъ кабинетомъ, не казались ни достаточно вѣскими, ни достаточно убѣдительными.

Въ виду такого существеннаго различія въ собранныхъ данныхъ, чтобы разрѣшить наконецъ спорный вопросъ, надо было

одной изъ сторонъ уступить другой. Это и сдѣлало русское правительство. Лордъ Грэнвилль, депешей 17 октября 1872 г., предложилъ русскому правительству прекратить этотъ нескончаемый споръ на основаніи признанія бадакшанской и вакханской земель составными частями Афганской территоріи. Не имѣя намѣренія задерживать рѣшеніе этого вопроса и желая дать новое доказательство своихъ дружественныхъ и примирительныхъ чувствъ, русское правительство рѣшилось принять англійское предложеніе и согласиться на проектированное разграниченіе. Князь Горчаковъ, депешей 12 января 1873 г., увѣдомилъ объ этомъ рѣшеніи англійское правительство и объявилъ, что Россія согласна на присоединеніе Бадакшана и Вакхана къ Афганистану и признаетъ самостоятельность Афганистана какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ.

Это точное изложеніе дипломатическихъ переговоровъ, происходившихъ отъ 1869 г. по 1873 г., неопровержимымъ образомъ доказываетъ намъ, что, послѣ того какъ мысль объ установленіи нейтральнаго пояса была покинута, русское и англійское правительства оставались въ полномъ согласіи по вопросу о созданіи между принадлежащими имъ въ Средней Азіи владѣніями *буффера*, т. е. земли, которая признавалась бы нейтральной и неприкосновенной, дабы воспрепятствовать непосредственному сосѣдству названныхъ владѣній.

Этимъ *буфферомъ* долженъ былъ сдѣлаться Афганистанъ, и Англія взяла на себя трудъ убѣдить кабульскаго эмира въ необходимости жить въ мирѣ съ Россіей и съ ханствами, которыя были подвластны этой державѣ. Съ своей стороны Россія обязалась дать наставленія въ томъ же смыслѣ бухарскому эмиру, чтобы онъ не дѣлалъ нападеній на Афганистанъ.

Изъ этихъ переговоровъ и обязательствъ слѣдуетъ, что всякая существенная перемѣна въ международномъ положеніи Афганистана должна необходимо уничтожать всѣ международныя обязательства, принятыя русскимъ и англійскимъ правительствами. Полное подчиненіе Афганистана англійскому правительству есть совершившійся фактъ въ силу послѣдняго мирнаго договора, заключеннаго съ эмиромъ кабульскимъ. Поэтому соглашеніе, состоявшееся между Россіей и Англіей въ 1873 г.,

имѣетъ въ настоящую минуту только историческое и теоретическое значеніе.

Мы перейдемъ теперь къ дѣлу, которое въ значительной мѣрѣ способствовало развитію чувствъ недовѣрія и враждебности между Россіей и Англіей. Это дѣло—*хивинская экспедиція*, результатомъ которой было завоеваніе хивинскаго ханства и присоединеніе части этой страны къ владѣніямъ Россіи. Хивинскій ханъ былъ вынужденъ объявить себя „покорнѣйшимъ слугою Россійскаго Императора“ и „отказаться отъ права вести прямыя сношенія съ сосѣдними государями и ханами“.

Другими словами, эмиръ хивинскій долженъ былъ признать за русскими властями право контроля въ управленіи тѣми владѣніями, которыя были ему оставлены *).

Всѣ помнятъ, какіе крики негодованія возбудили эти постановленія мирнаго договора съ Хивой въ Англіи. Большая часть англійской печати и многіе знаменитые писатели не замедлили обвинить Россію въ вопіющемъ нарушеніи своихъ торжественнѣйшихъ обязательствъ **). Возможно ли, восклицали они, заключать договоры съ правительствомъ, которое открыто смѣется надъ даннымъ имъ словомъ, которое умышленно нарушаетъ самыя ясныя и недвусмысленныя свои обязательства?

Пусть на эти обвиненія отвѣчаютъ достовѣрные факты.

Въ исходѣ 1869 г. посолъ Великобританіи съ видимымъ безпокойствомъ освѣдомлялся у русскаго правительства: правда-ли, что была рѣшена экспедиція противъ Хивы? Отвѣтъ былъ отрицательный, потому что въ это время русское правительство еще льстило себя надеждой, что ему возможно будетъ избѣжать этой мѣры. Втеченіе 1870 и 1871 гг. запросы британскаго представителя дѣлались все болѣе и болѣе настоятельными, и въ мартѣ 1870 г. сэръ Андрю Буканань могъ уже убѣдиться, что хивинскій ханъ умышленно вызываетъ на ссору русское правительство ***). Въ Петербургѣ посла Великобританіи извѣщали о всѣхъ переговорахъ, происходившихъ между Россіей и хивин-

*) См. текстъ этого мирнаго договора въ *Archives du droit international*, т. I, стр. 118 и слѣд.

**) Ср. напр., *Raulinson, England and Russia in the East*, стр. 328 и слѣд.

***) Депеша сэра А. Буканана отъ 8 марта 1870 г.

скимъ ханомъ. Въ мартѣ 1872 г. лордъ Августъ Лофтусъ, замѣстившій сэра Андрю Буканана въ званіи англійскаго посла, писалъ своему правительству, что походъ противъ Хивы, какъ ему кажется, рѣшенъ весною 1873 г. Онъ дѣйствительно состоялся; война окончилась полнымъ пораженіемъ хивинскихъ войскъ. Столица эмира была завоевана и самъ онъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, что ему возвратили обратно часть его владѣній.

Во время частыхъ сношеній, о которыхъ мы только что говорили, англійское правительство ни разу не заявляло, чтобы неудовольствія Россіи противъ эмира хивинскаго были незаконны или недостаточны для оправданія войны; оно никогда не спорило противъ того, чтобы хивинское ханство вошло совершенно въ въ сферу вліянія Россіи; оно никогда не возражало ни противъ послѣдствій необдуманнаго поведенія эмира, ни противъ необходимыхъ результатовъ его пораженія.

Извѣстно, какія законныя неудовольствія имѣла Россія противъ хивинскаго эмира. Постоянные разбои, подстрекательства къ возмущенію среди подвластныхъ Россіи кочевниковъ, обложеніе налогами киргизовъ, признавшихъ русскую власть, — наконецъ, захватъ русскихъ подданныхъ и обращеніе ихъ въ рабство — вотъ факты, которые давно уже требовали блестящаго удовлетворенія русскаго правительства. „И мы“, восклицаетъ одинъ знаменитый англійскій государственный человѣкъ, никогда не торговавшій своимъ безпристрастіемъ и никогда не жертвовавшій интересами истины въ пользу безсмысленныхъ страстей массъ,—„мы, народъ и правительство, истратившіе почти 2 милліона фунтовъ стерлинговъ на то, чтобы освободить изъ абиссинскаго плѣна нѣсколькихъ подданыхъ королевы, мы не перестаемъ создавать обвиненія противъ русскаго Императора, который по такимъ же и еще другимъ, не менѣе законнымъ и еще болѣе настоятельнымъ причинамъ, снарядилъ военную экспедицію противъ Хивы и поставилъ это ханство въ невозможность разбойничать на будущее время“ *).

Тотъ же англійскій государственный человѣкъ приводитъ въ

*) Герцогъ Аргайль, The eastern question, т. II, стр. 308.

доказательство законности требованій Россіи, предъявленныхъ Хивѣ, драгоцѣнныя свидѣтельства двухъ очень авторитетныхъ лицъ. Сэръ Джонъ Макъ-Нейль, бывшій англійскій посланникъ въ Тегеранѣ, говорилъ герцогу Аргайлю, что, въ бытность свою въ Персіи, онъ неоднократно имѣлъ случай ходатайствовать объ освобожденіи изъ плѣна русскихъ подданныхъ, задерживаемыхъ въ Хивѣ. Точно также лордъ Норсбрукъ утверждаетъ, что въ 1873 г., когда онъ принималъ въ Синилѣ, въ качествѣ индійскаго вице-короля, посланца отъ хивинскаго хана, то тотъ признавался, что въ Хивѣ находилось много русскихъ плѣнниковъ*).

Эти факты были хорошо извѣстны англійскому правительству. Оно знало также о надменныхъ и оскорбительныхъ отвѣтахъ, которые этотъ дикій государь осмѣлился послать русскому правительству, когда оно требовало освободить своихъ подданныхъ изъ плѣна и дать удовлетвореніе за другія обиды, указанныя выше.

При данныхъ обстоятельствахъ никогда еще война противъ государя полудикой страны не была болѣе справедлива и болѣе необходима.

Намъ скажутъ, что русское правительство не должно было ни давать обѣщаній, ни принимать обязательствъ, которыхъ оно не могло исполнить. Россія не должна была принимать въ отношеніи къ Англіи обязательства не присоединять къ себѣ хивинскаго ханства.

Мы самымъ категорическимъ образомъ утверждаемъ, что Россія не принимала на себя никакого обязательства относительно Хивы и не давала никакого обѣщанія на счетъ неприкосновенности владѣній этого ханства.

Во всѣхъ переговорахъ съ Англіей по среднеазіатскому вопросу русское правительство всегда и самымъ недвусмысленнымъ образомъ дѣлало оговорки относительно свободы своихъ дѣйствій, которой оно не желало и не могло пожертвовать въ пользу кого бы то ни было.

Знаменитый циркуляръ 21 ноября 1864 г. неоспоримыми соображеніями доказывалъ, что „азіатскіе народы по преиму-

*) Ibid.

ществу уважаютъ только видимую и осязательную силу", что если „ограничиться наказаніемъ хищниковъ и удалиться, то урокъ скоро забудется", что „удаленіе будетъ приписано слабости", что „крайняя необходимость" обязываетъ образованное правительство приводить эти варварскіе народы „къ болѣе или менѣе насильственному подчиненію".

Мало того. Въ февралѣ 1869 г. Императоръ Александръ II еще разъ обратилъ вниманіе англійскаго правительства на всѣ трудности положенія Россіи въ Азіи. „Я убѣжденъ, сказалъ Императоръ сэру Андрю Буканану, что правительство ея британскаго величества вѣритъ мнѣ, если я говорю, что не имѣю честолюбивыхъ замысловъ въ Средней Азіи; оно должно по собственному опыту въ Индіи знать, что положеніе наше въ этихъ земляхъ въ высшей степени затруднительно; наши дѣйствія не столько зависятъ здѣсь отъ нашихъ намѣреній, сколько отъ образа дѣйствія, принятаго въ отношеніи насъ окружающими насъ туземными государствами".

Императоръ прибавилъ, что если, къ несчастію, начнутся новыя столкновенія въ Средней Азіи, то не онъ будетъ виновникомъ ихъ *).

Позднѣе, въ 1872 г., когда походъ противъ Хивы сдѣлался уже весьма вѣроятнымъ, директоръ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ былъ уполномоченъ заявить лорду Лофтусу, что затруднительность отношеній къ Хивѣ состоитъ въ крайней слабости этого государства. „Если мы будемъ вынуждены наказать хана, то все государство развалится, какъ карточный домикъ. Мы сдѣлали возможное съ своей стороны, чтобъ заставить хана быть благоразумнымъ, но безъ всякаго успѣха" **).

Такимъ образомъ уже въ началѣ 1872 г. въ Петербургѣ не безъ страха предвидѣли, что злополучный походъ противъ хана будетъ для правительства источникомъ большихъ затрудненій. Предвидѣли, что побѣжденный эмиръ не въ силахъ будетъ удержать свою власть и что въ такомъ случаѣ не останется дру-

*) Депэша сэра Андрю Буканана, отъ 25 февраля 1860 года,
**) Депеша лорда Лофтуса отъ 12 марта 1872 г.

гого исхода, какъ, или удалиться безъ всякихъ практическихъ результатовъ, или занять завоеванную страну, чтобъ можно было обезпечить исполненіе обязательствъ, принятыхъ на себя побѣжденными.

Въ первомъ случаѣ русское правительство жертвовало бы напрасно кровью своихъ храбрыхъ войскъ и деньгами своего народа; во второмъ—оно достигало высокой цѣли экспедиціи и обезпечивало на будущее время безопасность владѣній, пріобрѣтенныхъ дорогой цѣной.

Правительство, сознающее свои обязанности въ отношеніи страны, не будетъ колебаться между этими рѣшеніями.

Всѣ эти факты доказываютъ, что русское правительство не имѣло никакого намѣренія завоевать хивинское ханство и присоединить его къ себѣ. Тѣмъ не менѣе, по настояніямъ лондонскаго кабинета, въ началѣ 1873 г. въ Лондонъ былъ посланъ графъ Шуваловъ, съ спеціальнымъ порученіемъ успокоить англійское правительство на счетъ хивинскаго похода. Онъ могъ съ спокойной совѣстью объявить лорду Грэнвиллю, что „Императоръ не только вовсе не желалъ завладѣвать Хивой, но и далъ положительныя приказанія предупредить возможность этого завладѣнія, и что были посланы инструкціи, предписывавшія наложить такія условія, чтобъ занятіе Хивы ни въ какомъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ“ *).

Въ такихъ выраженіяхъ передаетъ лордъ Грэнвилль результатъ своихъ переговоровъ съ графомъ Шуваловымъ. Предполагая ихъ безупречность въ отношеніи точности, мы не видимъ въ нихъ, подобно герцогу Аргайлю, никакого международнаго обязательства. Графъ Шуваловъ только подтверждалъ въ точныхъ словахъ то, что было неоднократно заявлено представителямъ Англіи, а именно—что Россія не имѣла намѣренія завоевывать Хивы въ ту минуту, какъ была рѣшена военная экспедиція противъ этой страны. Наконецъ, безспорно, что занятіе Хивы было совершенно необходимо для предупрежденія новыхъ безпорядковъ въ этой странѣ и для установленія такого порядка

*) Corresp. with Russia, respecting Central Asia, 1873 (№ 3). Герцогъ Аргайль, loc. cit., II, 310.

вещей, который обезпечивалъ бы русскія владѣнія отъ повторенія набѣговъ и грабежей Хивинцевъ и Туркменовъ. Когда Хива была занята и когда можно было ознакомиться съ условіями внутренняго положенія этой страны, тогда убѣдились, что ханъ, даже при наилучшемъ желаніи, не былъ въ состояніи поддерживать отношеній добраго сосѣдства съ Россіей. Такимъ образомъ, результаты похода противъ Хивы не возможно было предвидѣть и они не зависѣли отъ воли русскаго правительства.

Мы можемъ свести эти соображенія къ самому положительному утвержденію, что мирный договоръ, заключенный въ 1873 г. съ хивинскимъ ханомъ, не нарушилъ ни одного обязательства, состоявшагося между Россіей и Англіей, по той простой причинѣ, что никакого подобнаго обязательства въ дѣйствительности не существовало. Хивинское ханство никогда не было объявлено нейтральной территоріей; независимость этой страны никогда не признавалась необходимой для предупрежденія сосѣдства между англійскими и русскими владѣніями въ Азіи, какъ это было съ Афганистаномъ; русское правительство никогда не отказывалось отъ свободы своихъ дѣйствій въ отношеніи этого ханства; никакая другая война не была болѣе справедливой какъ война 1873 г. съ эмиромъ хивинскимъ.

Поэтому мы вполнѣ соглашаемся съ слѣдующими замѣчаніями герцога Аргайля: что всѣ тѣ, которые обвиняютъ Россію въ недобросовѣстности, основываясь на нѣсколькихъ умышленно дурно выбранныхъ словахъ, сами выказываютъ гораздо болѣе недобросовѣстности, чѣмъ сколько приписываютъ ее Россіи *). „Мы обыкновенно принимали, продолжаетъ герцогъ, извѣстные взгляды, высказанные Россіей относительно своихъ намѣреній и извѣстныя заявленія, сдѣланныя ею о своей политикѣ, за взгляды, и заявленія, имѣвшія характеръ формальныхъ обѣщаній или международныхъ обязательствъ. Но взглядъ, высказанный о намѣреніи, не есть еще необходимое обѣщаніе. Заявленіе или утвержденіе относительно политики не есть обязательство“.

*) Герцогъ Аргайль, The Gastern questios, II, стр. 301.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что Россія присоединила часть хивинскаго ханства послѣ побѣдоносной и совершенно законной войны. Англія же присоединила Трансваальскую область на югѣ Африки безъ войны, безъ побѣды и безъ малѣйшаго основанія. Еслибъ даже Россія, вслѣдствіе полнаго подчиненія хивинскаго ханства, достигла только одного результата, а именно—исполненія 17-й статьи мирнаго договора, то и тогда она оказывала большую услугу человѣчеству и пріобрѣтала право на благодарность всего образованнаго міра.

Статья 17-я гласитъ: „Изданный Саидомъ-Магометомъ-Раткиномъ-Богодаромъ-Ханомъ манифестъ, дарующій свободу всѣмъ рабамъ въ ханствѣ и отмѣняющій навсегда рабство и торговлю людьми, остается въ силѣ и дѣйствіи, и правительство хана формально и всѣми своими силами обязалось строго и добросовѣстно привести въ исполненіе отдѣльныя его постановленія“.

Одно только это условіе должно было бы заглушить всѣ сомнѣнія и всѣ ребяческія опасенія въ державѣ, которая принесла такія огромныя жертвы для отмѣны торга неграми.

IV.

Обнародованіе мирнаго договора, заключеннаго съ эмиромъ хивинскимъ, подняло бурю въ англійской прессѣ и довело общественное мнѣніе въ Англіи почти до пароксизма злобы противъ Россіи.

Англійское правительство сочло себя обязаннымъ дать удовлетвореніе страстямъ, обнаружившимся въ странѣ. Лордъ Грэнвилль, депешей отъ 7 января 1874 г., уполномочилъ британскаго посла въ Петербургѣ обратить вниманіе русскаго правительства на тѣ опасности, которыя угрожали сердечному согласію двухъ правительствъ, вслѣдствіе новаго положенія, созданнаго въ Средней Азіи завоеваніемъ Хивы. Лордъ Грэнвилль не находилъ полезнымъ подробно разсматривать, были ли условія мирнаго договора, заключеннаго съ хивинскимъ ханомъ, строго согласны съ увѣреніями, данными графомъ Шуваловымъ.

Но онъ считалъ своей обязанностью указать русскому правительству на ту тревогу, которая была возбуждена въ Афганистанѣ и въ Индіи распространившимися слухами о русскомъ походѣ противъ Мерва и противъ дикихъ племенъ, населяющихъ окрестныя земли. Лордъ Грэнвилль предусматривалъ, что въ такомъ случаѣ эти племена могли бы оказаться вынужденными искать убѣжища на афганской территоріи, въ гератской области, и тогда столкновеніе между эмиромъ афганскимъ и русскими войсками дѣлалось почти неизбѣжнымъ. Въ предвидѣніи этой возможности, англійское правительство выражало надежду, что Россія приметъ въ серьезное вниманіе онасности, которыя произошли бы отъ подобной экспедиціи и желало разъ навсегда установить, что *независимость Афганистана признается очень важнымъ условіемъ для благосостоянія и безопасности британской Индіи и для спокойствія Азіи* *).

Русское правительство считало своимъ долгомъ протестовать противъ точки зрѣнія, принятой сентъ-джемскимъ кабинетомъ въ депешѣ лорда Грэнвилля и опровергнуть заключенія, которыя выводитъ эта депеша изъ предыдущихъ сообщеній, касавшихся положенія дѣлъ въ Средней Азіи.

Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 21 января 1874 года, канцлеръ Россійской Имперіи вновь подтвердилъ намѣреніе русскаго правительства считать Афганистанъ совершенно внѣ сферы своего вліянія. Но такъ какъ Мервъ лежитъ далеко за предѣлами признанныхъ границъ Афганистана, то русскій канцлеръ не могъ найти никакого законнаго основанія для притязаній англійскаго правительства быть особымъ покровителемъ этого селенія, которое до сихъ поръ служило убѣжищемъ для разбойничьяго племени, извѣстнаго подъ именемъ туркменовъ. Князь Горчаковъ объявилъ, что жить въ добромъ согласіи съ Россіей вполнѣ зависитъ отъ туркменовъ, „но что если они будутъ совершать противъ насъ нападенія и разбои, то у насъ достанетъ силы наказать ихъ“. Эмиръ кабульскій, благодаря своему вліянію на это племя, могъ бы оказать дѣйствительную услугу

*) Ср. меморандумъ русскаго правительства, отъ 17 апрѣля 1875 (Correspondance respecting Central Asia, 1878).

спокойствію Средней Азіи, давъ туркменамъ заранѣе понять неизбѣжныя послѣдствія ихъ поведенія относительно Россіи.

Этотъ отвѣтъ с.-петербургскаго правительства не могъ понравиться лондонскому кабинету; изъ него слишкомъ ясно было видно, что Россія сознавала свое достоинство и свою силу, тогда какъ въ Лондонѣ ожидали, что она покажетъ крайнюю уступчивость ко всѣмъ представленіямъ и всѣмъ протестамъ англійскаго правительства, какіе бы оно не пожелало ей сдѣлать на счетъ ея отношеній къ среднеазіатскимъ независимымъ землямъ. Депеша 21 января давала формальный отпоръ этимъ притязаніямъ, которыя, впрочемъ, не имѣли рѣшительно никакого основанія.

Вскорѣ послѣ того, именно въ февралѣ, англійское министерство смѣнилось; консервативная партія пріобрѣла значительное большинство въ парламентѣ и г. Дизраэли было поручено составить новый кабинетъ; мѣсто статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ занялъ лордъ Дерби а главою *India-Offic* сдѣлался маркизъ Салисбюри.

Консервативное министерство въ нѣсколько лѣтъ произвело радикальный переворотъ въ положеніи среднеазіатскихъ дѣлъ. По мѣрѣ того какъ кризисъ Турціи усиливался, сношенія между Россіей и Англіей становились все натянутѣе и менѣе дружелюбными. Тогда политика Англіи въ Средней Азіи была въ совершенной гармоніи съ политикой ея въ восточномъ вопросѣ. Въ Турціи, какъ и въ Средней Азіи, Англія преслѣдовала только свои исключительные интересы. Въ началѣ послѣдняго кризиса, постигшаго балканскій полуостровъ, англійское правительство выступило поборникомъ цѣлости Турціи и кончило ея раздѣломъ и заключеніемъ англо-турецкой конвенціи 4 іюня 1878 года. Въ Средней Азіи Англія всегда объявляла, что самостоятельность Афганистана была главнымъ предметомъ всѣхъ ея попеченій; но мирный договоръ, заключенный съ Якубомъ-Ханомъ, сдѣлалъ изъ Афганистана полусамостоятельное государство, зависимое отъ благоусмотрѣнія вице-короля британской Индіи. Съ 1875 по 1878 г. Англія дѣлала самыя недвусмысленныя и самыя враждебныя демонстраціи противъ Россіи, съ цѣлью повредить ея обаянію и лишить ее всѣхъ удовлетворе-

ній, право на которыя давали ей безчисленныя жертвы, принесенныя русскимъ народомъ въ пользу своихъ собратьевъ, томившихся подъ мусульманскимъ игомъ; берлинскій договоръ, въ совокупности своихъ постановленій, правда, подтвердилъ пріобрѣтенія, сдѣланныя Россіей въ пользу христіанскихъ населеній Турціи; но, конечно, послѣднія никогда не забудутъ, что если они не пріобрѣли всего, чего просили, и были обмануты въ своихъ законныхъ стремленіяхъ, то обязаны этимъ противодѣйствію Англіи и ея союзницы на берлинскомъ конгрессѣ—Австро-Венгріи.

Духъ, которымъ было проникнуто правительство г. Дизраэли по отношенію къ Россіи, скоро обнаружился въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ и дипломатическихъ переговорахъ, даже по такимъ вопросамъ, которые, повидимому, нисколько не касались политическихъ интересовъ этихъ двухъ великихъ державъ. Положеніе, занятое англійскимъ правительствомъ по поводу брюссельской конференціи, созванной по великодушному почину Императора Александра II, для обсужденія проекта международнаго положенія о законахъ и обычаяхъ войны, была первымъ симптомомъ новой политики.

Въ среднеазіатскомъ вопросѣ эта политика должна была совершенно измѣнить установившійся порядокъ вещей и взаимныя отношенія между Россіей и Англіей. Рѣшительный отвѣтъ князя Горчакова на счетъ свободы дѣйствій Россіи въ отношеніи Мерва не успокоилъ ни правительство англійское, ни печать, ни общественное мнѣніе въ Англіи. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ отъ 1874 г. по 1878 г., лондонскій кабинетъ не давалъ покоя русскому правительству своими запросами о томъ, имѣло-ли оно намѣреніе отправить экспедицію противъ этого интереснаго города. Вице-король Остъ-Индіи, какъ и правительство Англіи показывали трогательное участіе къ Мерву, сдѣлавшемуся съ того времени знаменитымъ мѣстомъ. Герцогъ Аргайль утверждаетъ, что въ Англіи страсть къ Мерву стала до того общей и до того глубокой, что заслуживаетъ особаго названія; отнынѣ надо понимать подъ словомъ „*mervousness*“ очень сильную привязанность къ какой-нибудь вещи

или къ какому-нибудь лицу *). Позволительно, однако, спросить, что-же такое этотъ Мервъ, о которомъ говоритъ дипломатическая переписка, обмѣненная между Англіей и Россіей, и которымъ она занимается почти на каждой страницѣ.

„Это жалкая деревушка“, отвѣтимъ мы вмѣстѣ съ герцогомъ Аргайлемъ, „или, самое большее, бѣдный маленькій городокъ съ грязными лачугами, не защищенный или защищенный лишь земляными насыпями (mud walls)“. „Это гнѣздо разбойниковъ“ **). „Но надо припомнить, что г. Раулинсонъ, въ своемъ пресловутомъ меморандумѣ, полагалъ, что если Мервъ достанется Россіи, то путь въ Индію сдѣлается открытымъ и тогда русскія войска могутъ совершенно безпрепятственно идти на Гератъ. Герцогъ Аргайль совершенно справедливо отвѣчаетъ, что одно дѣло идти на Мервъ, и другое—сосредоточить въ Мерва армію, чтобъ двинуться на занятіе Герата, который сэръ Генри Раулинсонъ самъ называетъ сильною крѣпостью ***). Но англійское правительство другого мнѣнія; оно настаиваетъ на нейтральности Мерва и не перестаетъ протестовать противъ похода русскихъ войскъ на этотъ городъ.

Однако въ притязаніяхъ Англіи невозможно отыскать ни малѣйшаго юридическаго или политическаго основанія. Они имѣютъ только одинъ практическій результатъ—обезпеченіе совершенной безопасности извѣстнымъ разбойникамъ, которые устроили въ Мервѣ сборное мѣсто людей и вещей, награбленныхъ ими на большихъ дорогахъ. Такое привиллегированное положеніе, какъ-бы ни старалось обезпечить его за Мервомъ англійское правительство, не можетъ существовать вѣчно. Англійское правительство само неоднократно подтверждало, что племя туркменовъ, населяющее Мервъ нападаетъ на русскіе караваны и уводитъ русскихъ подданныхъ въ рабство ****). Въ 1877 г. генералъ Ламакинъ былъ аттакованъ 6000-й шайкой

*) Герцогъ Аргайль, The Eastern Question, т. II, стр. 370.

**) Ibidem, стр. 370.

***) Г, Раулинсонъ въ Quarterly Review, январь 1879, стр. 255.

****) Corresp. resp. Central Asia 1878 № 1 (№ 7, стр. 11; № 18, стр. 18; № 37, стр. 46).

туркменовъ-теке, которую онъ совершенно разсѣялъ послѣ битвы, продолжавшейся нѣсколько часовъ *).

Эти обстоятельства должны были заставить англійское правительство настаивать передъ афганскимъ эмиромъ, чтобы онъ воспользовался своимъ вліяемъ на буйное и хищное населеніе Мерва и посовѣтовалъ ему держать себя нѣсколько менѣе враждебно относительно Россіи. Индійскій генералъ-губернаторъ косвенно предупреждалъ туркменовъ, что „ихъ безопасность отъ нападенія будетъ вполнѣ зависѣть отъ собственнаго ихъ поведенія. Если туркмены будутъ по прежнему совершать враждебныя дѣйствія противъ русскихъ и грабить мирныхъ и безобидныхъ купцовъ, то имъ нечего разсчитывать на продолжительную безнаказанность“. Туркмены своимъ поведеніемъ, говорило въ заключеніе калькутское правительство, даютъ русскимъ „законный поводъ къ войнѣ съ ними“ **).

Такимъ образомъ сами англійскія власти признавали, что было справедливо и необходимо положить конецъ грабительству и разбоямъ туркменовъ.

Но въ такомъ случаѣ какъ объяснить себѣ тѣ безпокойства, которыя возбуждаетъ въ Англіи русская экспедиція противъ Мерва? Чѣмъ оправдать всѣ эти протесты англійскаго правительства, которые въ послѣдніе три года непрерывно одно за другимъ заявлялись въ Петербургѣ? Принимало-ли на себя русское правительство какое-нибудь обязательство ни въ какомъ случаѣ не идти на Мервъ и представить туркменамъ неограниченную свободу грабить, уводить въ рабство и избивать русскихъ торговцевъ?

Подобнаго обязательства не существуетъ. Самое существованіе его было бы позоромъ какъ для Россіи, такъ и для Англіи. Для Россіи—потому, что оно доказывало бы намѣреніе императорскаго правительства отказаться отъ своей цивилизаторской роли въ Средней Азіи и оставить своихъ подданныхъ на произволъ разбойниковъ и грабителей; но достоинство, честь и исторія Россіи ис-

*) Corresp. resp. Central Asia 1878 № 110, стр. 110.

**) Ibidem, № 37, стр. 46. Ср. инструкцію Т. Этчинсона г-ну Торнтону отъ 14 іюня 1876, стр. 47 и 48.

ключаютъ возможность подобнаго образа дѣйствія. Для Англіи— потому что требуемое отъ Россіи обязательство оставить въ покоѣ туркменовъ было бы равносильно признанію, что англійскій народъ имѣетъ общіе интересы съ этимъ „гнѣздомъ разбойниковъ“ и помогаетъ этому народу грабить русскіе караваны и обращать русскихъ подданныхъ въ рабство; но намъ кажется, что одно уже предположеніе о возможности подобнаго соучастія было бы безпричинной обидой, наносимой всему англійскому народу. Вотъ почему невозможно, по нашему мнѣнію, чтобы англійское правительство дѣйствительно желало обезпечить туркменамъ безнаказанность за всѣ ихъ набѣги на русскую землю и за систематическое разбойничество противъ русскихъ подданныхъ.

Въ дипломатической перепискѣ не находится никакого слѣда подобнаго обязательства со стороны Россіи. Въ виду безпокойства, причиняемаго Англіи судьбой Мерва, петербургскій кабинетъ конечно, могъ ей отвѣтить, что если лондонскій кабинетъ считаетъ русскую военную экспедицію противъ Мерва рѣшеннымъ дѣломъ, то такое его предположеніе въ дѣйствительности неосновательно. Русское правительство могло даже увѣрять англійское правительство, что оно не имѣетъ никакого намѣренія ни занимать, ни присоединять къ себѣ Мерва. Но, съ другой стороны, безспорно, что еслибы туркмены не прекратили своего разбойничества, то русскій походъ на нихъ и строгое ихъ наказаніе были бы совершенно законны. Протесты Англіи не имѣли бы въ этомъ случаѣ никакого практическаго дѣйствія и, конечно, не остановили бы наказанія разбойниковъ, развѣ бы Англія дала Россіи дѣйствительныя гарантіи, что въ будущемъ туркмены перемѣнятъ свое поведеніе, невыносимое для всякаго правительства, проникнутаго сознаніемъ своихъ обязанностей къ собственнымъ своимъ подданнымъ.

Впрочемъ, Мервскій вопросъ весьма упростился послѣ того, какъ начальники племени туркменовъ-тэке вошли въ 1877 г. въ соглашеніе съ правительствомъ Персіи о томъ, что они признаютъ надъ собой верховную власть персидскаго шаха *). Если

*) Депеша г. Тэйлора Томсона къ лорду Дерби изъ Тегерана отъ 3 янв. 1878 г. (Corresp. resp. Central Asia, 1878, № 1, стр. 124, № 129.

всѣ эти туркмены сдѣлались подданными Персіи, то, очевидно что на будущее время должно отвѣчать за ихъ поведеніе относительно иностранцевъ персидское правительство; еслибы оно оказалось слишкомъ слабымъ для наказанія этихъ безпокойныхъ кочевниковъ, то тогда, конечно, возьметъ на себя этотъ трудъ иностранное правительство—съ согласія ли признаннаго, но слабаго государя, или безъ такого согласія, въ виду безусловной необходимости установить въ этихъ земляхъ болѣе сносный порядокъ вещей.

Какъ бы то ни было, но въ теченіи 1875 и слѣдующихъ годовъ вопросъ о Мервѣ сдѣлался настоящимъ кошмаромъ для англійскаго правительства; оно не переставало требовать объясненій на счетъ предполагаемыхъ экспедицій противъ этого городка или села, и представитель Великобританіи при русскомъ дворѣ полагалъ, что этими экспедиціями русское правительство нарушитъ свои обязательства.

Чтобы разъ на всегда положить конецъ притязанію Англіи контролировать каждый шагъ, сдѣланный русскими войсками въ Средней Азіи, и подвергать критикѣ всякую мѣру, принятую русскими властями въ этихъ земляхъ, императорское правительство рѣшилось изложить систематически и подробно ходъ дипломатическихъ переговоровъ по среднеазіатскому вопросу. Написанный съ этой цѣлью меморандумъ 17 апрѣля 1875 года былъ сообщенъ лондонскому кабинету депешей отъ того же числа, за подписью князя Горчакова *).

Послѣ историческаго очерка переговоровъ, происходившихъ между Россіей и Англіей, означенный меморандумъ, съ замѣчательной откровенностью, выставляетъ нижеслѣдующія положенія.

„Лондонскій кабинетъ, повидимому, выводитъ изъ того обстоятельства, что мы неоднократно по доброй волѣ и дружелюбно высказывали ему наши взгляды на Среднюю Азію и особенно наше твердое намѣреніе отнюдь не преслѣдовать здѣсь политики завоеваній и присоединеній, заключеніе, что мы приняли въ отношеніи его положительныя обязательства по этому

*) Corresp. resp. Central Asia, № 1, 1878, стр. 27 и слѣд.

предмету. Изъ того обстоятельства, что событія принудили насъ помимо воли отступить въ извѣстной мѣрѣ отъ нашей программы, онъ, какъ кажется, заключаетъ, что императорскій кабинетъ не исполнилъ формальныхъ обѣщаній...

„Такія заключенія мы считаемъ несогласными съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, равно какъ съ духомъ и буквой соглашеній, состоявшихся между обоими правительствами.

„*Всегда подразумѣвалось само собой, что и та и другая сторона вполнѣ сохраняли свободу своихъ дѣйствій и оцѣнку въ принятіи мѣръ, признаваемыхъ необходимыми для собственной ихъ безопасности.*

„Тѣ же самыя начала были положены въ основаніе нашихъ переговоровъ съ г. Форситомъ. Было именно признано, что такъ какъ при существующемъ положеніи дѣлъ русскія и англійскія границы въ Средней Азіи не могутъ считаться неизмѣнными, то международное соглашеніе по этому предмету осталось бы безъ дѣйствія“.

Изъ основаній соглашенія между правительствами русскимъ и англійскимъ, упоминаемыхъ въ меморандумѣ 17 апр. 1875 г., мы укажемъ на слѣдующія:

„1-е. Что соперничество между ними въ этихъ земляхъ противорѣчитъ ихъ обоюднымъ интересамъ и цивилизаторской миссіи, къ которой они (оба правительства) призваны—каждое въ сферѣ своего естественнаго вліянія;

„2-е. Что вслѣдствіе этого желательно сохранить между ними промежуточный поясъ, который предохранялъ бы ихъ отъ непосредственнаго сосѣдства.

„3-е. Что *Афганистанъ могъ бы образовать такой промежуточный поясъ, еслибъ самостоятельность его была признана той и другой стороной вполнѣ неприкосновенной*“.

Англійское правительство сочло себя обязаннымъ поправить нѣкоторыя выраженія въ дипломатическомъ меморандумѣ, переданномъ ему посломъ Россіи. Оно понимало иначе переговоры объ афганскихъ границахъ и о промежуточномъ поясѣ. Но наибольшее значеніе придавало оно тому, чтобы за нимъ была признана полная свобода дѣйствія (complete liberty of action) относительно Афганистана, при всѣхъ обстоятельствахъ и во

во всѣхъ случаяхъ. Въ виду особеннаго интереса, представляемаго этой страной для британскихъ владѣній въ Индіи, англійское правительство относилось съ тревогой къ занятію Мерва. Эта мѣра должна непремѣнно возбудить основательныя опасенія въ эмирѣ афганскомъ и, въ случаѣ его вмѣшательства, столкновеніе между Россіей и эмиромъ будетъ неизбѣжно,—что Англія желала бы предупредить всѣми средствами. Наконецъ, лордъ Дерби благодарилъ князя Горчакова за данное имъ увѣреніе, что русскій императоръ не имѣетъ никакого намѣренія расширять границы своей имперіи ни со стороны Бухары, ни со стороны Красноводска и Атрека *).

Отвѣтъ лорда Дерби былъ написанъ въ сдержанномъ и дружелюбномъ тонѣ. Русское правительство поблагодарило его въ депешѣ канцлера къ графу Шувалову отъ 3 (15) февраля 1876 г. Но съ цѣлью избѣжать всякихъ недоразумѣній въ будущемъ, князь Горчаковъ еще разъ обратилъ вниманіе на свободу дѣйствія, которую предоставляли себѣ обѣ державы.

„Благоволите передать Его Превосходительству—писалъ канцлеръ Россійской Имперіи, — что, согласно приказанія нашего августѣйшаго Государя, мы вполнѣ присоединяемся къ тѣмъ заключеніямъ, въ силу которыхъ оба кабинета, поддерживая взаимно состоявшееся между ними соглашеніе на счетъ *границъ* Афганистана, остающагося внѣ сферы дѣйствія Россіи, считаютъ покончеными переговоры о среднемъ поясѣ, признанные мало практичными, и *вполнѣ сохраняя свободу своихъ дѣйствій*, будутъ по обоюдному желанію принимать въ справедливое вниманіе ихъ взаимные интересы и нужды, избѣгая, *по мѣрѣ возможности*, непосредственнаго сосѣдства между собою, равно какъ и столкновеній между азіатскими государствами, находящимися въ сферѣ ихъ вліянія **)".

Это аутентическое истолкованіе взгляда какъ Россіи, такъ и Англіи было въ концѣ концовъ также принято англійскимъ правительствомъ, такъ какъ это послѣднее ничего не возражало про-

*) Депеша лорда Гамильтона къ лорду Тентердену отъ 22 іюня 1875 и англійскій меморандумъ отъ 25 октября 1875. (Corresp. resp. Central Asia, 1878, № 1, стр. 43 и 58).

**) Correspondence respecting Central Asia, 1878, № 1, стр. 68 (№ 62).

тивъ оговорокъ, сдѣланныхъ въ депешѣ князя Горчакова отъ 3 февраля 1876 г., копія съ которой была вручена лорду Дерби.

Итакъ, *полная свобода дѣйствій въ будущемъ*—вотъ что становилось отнынѣ основаніемъ всѣхъ операцій въ Средней Азіи.

Россія воспользовалась этой свободой прежде всего по отношенію къ Кокану.

Послѣ войны 1866—1868 гг., владѣнія эмира коканскаго значительно уменьшились; то, что оставалось отъ нихъ, было замкнуто въ предѣлахъ русской границы. Эмиръ подчинялся преобладающему вліянію Россіи. Постоянныя смуты въ земляхъ, которыя были ему оставлены, не разъ вызывали вмѣшательство русскихъ войскъ. Въ 1875 г. эмиръ Насръ-Эддинъ новымъ возстаніемъ былъ свергнутъ съ престола; онъ бѣжалъ въ Ходжентъ и упросилъ генерала Кауфмана дать ему убѣжище въ русскихъ владѣніяхъ. Въ виду географическаго положенія ханства, въ 1876 г. послѣдовало окончательное присоединеніе его къ Россіи, подъ именемъ Ферганской области.

Эти событія естественно подняли въ Англіи новый крестовый походъ противъ русскаго правительства, и крикъ *Vae Indiae*! опять раздался въ журналахъ и на митингахъ. Г. Кохрэнъ, членъ парламента, обратился къ правительству съ запросомъ о политикѣ его въ Азіи и о недавнихъ событіяхъ въ Коканѣ.

Г. Дизраэли отвѣчалъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Онъ увѣрялъ парламентъ, что нѣтъ ни малѣйшаго повода къ безпокойству за будущее англійскихъ владѣній въ Азіи.

„Далекій отъ того, чтобы тревожиться успѣхами русскаго могущества въ Средней Азіи—говорилъ глава консервативнаго министерства—я не вижу причины, почему бы Россія не должна была завоевывать Тартаріи, если Англія завоевала Индію. Я только желалъ бы, чтобы народъ Тартаріи извлекъ столько же выгодъ изъ русскаго завоеванія, сколько извлекъ ихъ индійскій народъ изъ англійскаго“. Наконецъ, г. Дизраэли прибавилъ, что „доброе согласіе между обоими правительствами—русскимъ и англійскимъ—никогда не было такимъ полнымъ, какъ въ настоящее время“. Это было сказано въ маѣ 1876 г.

Подобный языкъ о Россіи въ устахъ г. Дизраэли былъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что англійское правительство какъ разъ въ это время отказалось присоединиться къ берлинскому меморандуму. Положеніе, которое занялъ г. Дизраэли въ вопросѣ объ этомъ меморандумѣ, прямо противорѣчило его рѣчи о средне-азіатскихъ дѣлахъ. Совершенно невѣроятно, чтобы онъ желалъ „добраго согласія“ между Россіей и Англіей въ Азіи, и въ тоже самое время разрушалъ всякое возможное основаніе для согласія и взаимнаго довѣрія въ Европѣ. Очевидно, что спокойная и доброжелательная рѣчь г. Дизраэли о средне-азіатскомъ вопросѣ объясняется другими причинами, чѣмъ какія мотутъ представиться съ перваго взгляда.

Переписка между англійскимъ правительствомъ и ханомъ афганскимъ Широмъ-Али даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ этихъ причинъ. Въ настоящее время ясно, что уже въ 1875 г. англійское правительство рѣшилось достигнуть присоединенія Афганистана или, по крайней мѣрѣ, полнаго подчиненія этой страны господству Англіи. Въ маѣ 1876 г. эта новая англійская политика, поддерживаемая лордомъ Литтономъ, новымъ вице-королемъ Индіи, дѣлала только первый свой шагъ, и нужно было всѣми средствами скрыть ея конечную цѣль отъ Россіи. При этихъ обстоятельствахъ благоразуміе требовало не возбуждать ничѣмъ подозрѣнія Россіи и предупреждать всякое безпокойство со стороны русскихъ властей въ Азіи. Другими словами, новая англійская политика въ Средней Азіи предполагала, какъ первое условіе своего успѣха, глубочайшую тайну и безусловную необходимость усыпить вниманіе представителей русской власти. Надо отдать справедливость нынѣшнему главѣ торійскаго министерства: онъ въ значительной мѣрѣ достигъ своей цѣли. Вниманіе русскаго правительства было поглощено кризисомъ, который свирѣпствовалъ въ Европейской Турціи. Великолѣпная рѣчь о „добромъ согласіи“ между Англіей и Россіей въ Средней Азіи, конечно, содѣйствовала исполненію хитрыхъ плановъ г. Дизраэли.

Но какіе были эти планы? Какой характеръ имѣла эта новая политика, которую началъ лордъ Литтонъ, облеченный полнымъ довѣріемъ лорда Бэконсфильда?

Эти планы имѣли цѣлью уничтоженіе самостоятельности Аф-

ганистана; эта новая политика стремилась къ существенному расширенію сферы вліянія англійскаго правительства въ Азіи.

Мы вышли бы изъ предѣловъ этого этюда, еслибъ захотѣли сдѣлать очеркъ исторіи сношеній Афганистана съ англійскимъ правительсвомъ. Мы не будемъ также слѣдить за переговорами, которые происходили съ 1875 г. между эмиромъ Широмъ-Али и правительствомъ индійскаго вице-короля. Герцогъ Аргайлль, весьма компетентный въ этомъ вопросѣ, какъ бывшій статсъ-секретарь по индійскимъ дѣламъ, представилъ ясное и безпристрастное изложеніе этихъ переговоровъ, къ которымъ мы и отсылаемъ читателя.

Мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ различныхъ мѣръ, которыми англійское правительство принудило нес частнаго Шира-Али броситься въ объятія Россіи и вступить въ борьбу, навязанную ему индійскимъ вице-королемъ.

Основаніемъ всѣхъ сношеніи между Афганистаномъ и Англіей служилъ въ теченіи многихъ лѣтъ договоръ, заключенный въ 1855 г. между Достомъ-Мохамедомъ-ханомъ и англійской остъ-индской компаніей. Въ силу этого договора, между Афганистаномъ и Остъ-Индіей должны были царствовать дружба и согласіе. Эмиръ обязался смотрѣть на враговъ компаніи, какъ на собственныхъ своихъ враговъ; но взамѣнъ онъ не получилъ обѣщанія, что его враги также будутъ врагами компаніи.

Послѣ смерти Доста-Мохамеда въ Афганистанѣ начались волненія. Въ продолженіи многихъ лѣтъ въ этой странѣ шла кровавая борьба между сыновьями эмира, которые всѣ явились претендентами на престолъ. Наконецъ, въ 1866 г. Ширъ-Али остался одинъ повелителемъ всего Афганистана. Сэръ Джонъ Лауренсъ, бывшій тогда вице-королемъ въ Остъ-Индіи, старался поддерживать съ новымъ эмиромъ самыя дружескія отношенія. Онъ призналъ его въ званіи эмира, а любимаго его сына, Абдулла-Джана, предполагаемымъ его наслѣдникомъ. Онъ неоднократно давалъ эмиру значительныя субсидіи деньгами и военными припасами. Преемники сэра Джона Лауренса, лордъ Майо и лордъ Норсбрукъ, слѣдовали такому же образу дѣйствія.

За это Ширъ-Али обязался сохранять свои дружественныя

отношенія къ англійскому правительству. Но основаніемъ своего союза съ Англіей онъ всегда ставилъ полную самостоятельность своей страны и совершенное невмѣшательство въ нее англійскихъ властей. Основнымъ условіемъ и существенной гарантіей исполненія этого обязательства англійскимъ правительствомъ и Достъ-Мохамедъ, и его дѣти всегда считали неприсутствіе въ Кабулѣ дипломатическаго представителя Англіи. Ширъ-Али-ханъ соглашался, чтобы уполномоченнымъ для сношеній между нимъ и англійскимъ правительствомъ былъ *vakeel* или агентъ изъ туземцевъ; но онъ всегда категорически отказывался отъ пріема въ Кабулъ постояннаго англійскаго дипломатическаго посольства.

Рѣшительное сопротивленіе Шира-Али-хана въ этомъ вопросѣ вполнѣ объясняется опытомъ другихъ азіатскихъ государствъ. Утвержденіе англійскаго дипломатическаго или военнаго агента въ азіатской странѣ всегда имѣло своимъ конечнымъ результатомъ присоединеніе этой послѣдней къ британскимъ владѣніямъ. Опытъ индійскихъ государствъ, говоритъ герцогъ Аргайлль, доказываетъ, что англійскій чиновникъ, назначенный въ азіатское государство, очень скоро дѣлается центромъ, около котораго сосредоточивается туземное управленіе; онъ вмѣшивается во всѣ дѣла страны, онъ дѣйствуетъ, какъ настоящій представитель власти *).

При этихъ обстоятельствахъ отвращеніе, которое выказывалъ Ширъ-Али къ пріему англійскаго посольства, было весьма естественно. Сэръ Джонъ Лауренсъ, лордъ Майо, лордъ Норсбрукъ принимали во вниманіе чувства эмира. Они формально обѣщали ему, лично и письменно, въ своихъ переговорахъ съ нимъ и съ его министрами, уважать его желаніе и никогда не навязывать ему присутствія въ Кабулѣ постояннаго повѣреннаго англійскаго правительства. Такъ, одинъ изъ лучшихъ вице королей Остъ-Индіи, лордъ Майо, писалъ въ Лондонъ 3 іюня 1869 года статсъ-секретарю по индійскимъ дѣламъ, что въ Умбаллѣ онъ принялъ по отношенію къ афганскому эмиру только слѣдующія три *обязательства* (pledges): „что мы не будемъ

*) Герцогъ Аргайлль, The Eastern question, т. II, стр. 225 и 267.

вмѣшиваться въ его дѣла; что мы будемъ поддерживать его самостоятельность; что мы никогда не навяжемъ ему, противъ его желанія, англійскихъ чиновниковъ или резидентовъ *)". Эти обязательства совершенно согласны съ договоромъ 1855 г., которымъ англійское правительство отказалось отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Афганистана. Три вице-короля, которые предшествовали лорду Литтону, были убѣждены, что англійская политика по отношенію къ Афганистану должна служить „основой англійской политики въ Средней Азіи **)". Отношенія между индійскимъ правительствомъ и эмиромъ афганскимъ должны, по мнѣнію ихъ, покоиться на безграничномъ взаимномъ довѣріи.

Вступленіе консервативнаго министерства совершенно измѣнило поведеніе англійскихъ властей. Маркизъ Салисбюри, глава департамента индійскихъ дѣлъ, уже 22 января 1875 г., увѣдомилъ вице-короля Остъ-Индіи, что англійское правительство рѣшилось настоять передъ Широмъ-Али-ханомъ, чтобы онъ принялъ англійскихъ резидентовъ въ Гератъ и Кандагаръ. Что касается Кабула, то правительство пока не находило еще своевременнымъ навязывать эмиру постоянное посольство въ этомъ городѣ.

Вице-король лордъ Норсбрукъ, а равно всѣ члены индійскаго правительственнаго совѣта отказались признать полезность и справедливость предложенной мѣры. Они единогласно заявили, что до сихъ поръ афганскій эмиръ вѣрно исполнялъ свои обязательства, что онъ всегда выказывалъ искреннюю преданность къ интересамъ Англіи, что правительство неоднократно обязывалось не навязывать ему англійскихъ дипломатическихъ резидентовъ, что, наконецъ, исполненіе распоряженія маркиза Салисбюри производило радикальный разрывъ съ политикой миролюбія и довѣрія, которыя до сихъ поръ господствовали въ сношеніяхъ съ Афганистаномъ ***). Мало того, англійскія власти въ Остъ-Индіи не понимали необходимости измѣненія политики, такъ

*) Тамъ же, стр. 274.

**) Тамъ же, стр. 272.

***) *Correspondence respecting Afghanistan* 1878, стр. 150. Ср. стр. 128 и 147.

какъ не было ни малѣйшей причины опасаться чего бы то ни было со стороны Туркестана.

Лордъ Салисбюри настаивалъ на исполненіи своихъ инструкцій 22 января 1875 г. Вслѣдствіе этого лордъ Норсбрукъ подалъ въ отставку; какъ честный человѣкъ, онъ не хотѣлъ нарушать своего слова, даннаго Ширу-Али. Индійскимъ вице-королемъ былъ назначенъ лордъ Литтонъ, который немедленно же приступилъ къ исполненію новыхъ плановъ, составленныхъ въ лондонскомъ совѣтѣ министровъ.

Герцогъ Аргайлль утверждаетъ, что программой для министерства Дизраэли послужила нота, написанная 11 января 1875 г. г. Бартлемъ Фрэромъ, занимавшимъ въ то время высокій постъ въ индійской администраціи. Г. Бартль Фрэръ развивалъ въ этомъ документѣ мысли, которыя онъ высказалъ уже въ маѣ 1874 г., въ письмѣ, адресованномъ на имя секретаря иностраннаго отдѣленія (Foreign Departement) департамента индійскихъ дѣлъ. Мысли г. Бартля Фрэра отличаются отъ мыслей сэра Генри Раулинсона большей рѣшительностью; но очевидно, что и тѣ, и другія исходили изъ одного основанія и имѣли въ виду одинаковыя стремленія, достойныя „имперіальной политики“ лорда Бэконсфильда. Г. Бартль Фрэръ совѣтовалъ занять афганскій городъ Кветту и учредить постоянныя англійскіи миссіи въ Кандагарѣ и Балхѣ.

Лордъ Литтонъ распорядился о занятіи города Кветты англійскими войсками. Это совершилось во время полнаго мира. Эмиръ афганскій не давалъ ни малѣйшаго повода къ какой-нибудь справедливой жалобѣ со стороны англійскаго правительства.

Затѣмъ послѣдовало требованіе, чтобы Ширъ-Али-ханъ принялъ англійскихъ резидентовъ въ Гератъ, Кандагаръ и даже Кабулъ.

Афганскій эмиръ не могъ безропотно подчиниться этому требованію. Онъ отказался отъ его исполненія, основываясь на договорѣ 1855 г. и формальныхъ обязательствахъ, принятыхъ предшественниками лорда Литтона. Мало того, онъ предъявилъ нѣсколько претензій къ англійскому правительству: онъ утверждалъ, что былъ обманутъ въ своихъ законныхъ надеждахъ въ

дѣлѣ о разграниченіи Сеистана, большую часть котораго англійскій посредникъ присудилъ Персіи; онъ требовалъ отъ Англіи новаго обязательства не вмѣшиваться *ни подъ какимъ предлогомъ* во внутреннія дѣла Афганистана; онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаивалъ на исполненіи обязательства о непребываніи въ Кабулѣ и на афганской территоріи никого изъ англичанъ; онъ жаловался на неполученіе обѣщанныхъ субсидій; наконецъ, онъ энергически протестовалъ противъ занятія Кветты.

Лордъ Литтонъ нисколько ни смутился доводами, которые противопоставилъ его требованіямъ эмиръ. Во-первыхъ, вице-король объявилъ, что обязательства, принятыя лордомъ Майо и лордомъ Норсбрукомъ, были только *личныя ихъ обѣщанія* (!); съ другой стороны, онъ утверждалъ, что всё, что онъ требовалъ отъ Шира-Али-хана, былъ совершенно согласно съ тѣмъ, что отъ него требовали его предшественники. Герцогъ Аргайлль говоритъ, что нельзя достаточно строго осудить подобный образъ дѣйствія *).

Но это не всё. Лордъ Литтонъ считалъ *всѣ* средства законными для достиженія своей цѣли. Онъ приказалъ объявить Ширу-Али, что „если онъ не желаетъ въ наискорѣйшее время войти въ соглашеніе съ Англіей, то *Россія того желаетъ, и что она желаетъ этого на счетъ его, Шира-Али-хана* **)". Мы изучили съ большимъ вниманіемъ всю дипломатическую переписку между Россіей и Англіей по среднеазіатскому вопросу и нигдѣ не нашли ни малѣйшаго слѣда желанія Россіи захватить въ свою пользу часть Афганистана. Впрочемъ, всѣ дипломатическіе переговоры, происходившіе между двумя державами, исключаютъ даже возможность обмѣна мыслей, которыя касались бы плановъ, задуманныхъ къ ущербу Шира-Али.

Поэтому приведенныя слова индійскаго вице-короля можно отнести къ числу дипломатическихъ хитростей довольно дву-

*) Герцогъ Аргайлль, назв. соч. II, 432.

**) Вотъ эти замѣчательныя слова: „*If the Ameer does not desire to come to a speedy unterstanding with us, Russia does; and she desires it at his expense* (*Correspondence resp. Afghanistan.* стр. 183, *Memorandum of the interview at Simla on 10 october 1876*").

смысленнаго свойства, которыми онъ, впрочемъ, неоднократно злоупотреблялъ въ своихъ переговорахъ съ представителями Шира-Али-хана.

Въ началѣ 1877 г. были открыты новые переговоры въ Пешауэрѣ, между англійскимъ полковникомъ Люисомъ Пэллемъ и первымъ министромъ эмира, Нуромъ-Мохамедомъ. Въ мартѣ они привели къ окончательному разрыву между Афганистаномъ и Англіей. Читая протоколы этихъ переговоровъ, постепенно приходишь къ одному убѣжденію, что англійское правительство старалось всѣми средствами и всѣми силами довести дѣло до разрыва. Чѣмъ болѣе представитель эмира обнаруживалъ готовности пойти на уступки, тѣмъ болѣе англійскій повѣренный увеличивалъ свои требованія и принималъ высокомѣрный и оскорбительный тонъ. Неожиданно лордъ Литтонъ приказалъ полковнику Пэллю закрыть совѣщанія и прервать всѣ переговоры. Смерть министра эмира послужила прекраснымъ предлогомъ для исполненія этого рѣшенія.

Здѣсь совершенно естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить такую поспѣшность, такую лихорадочную торопливость? Мы не можемъ дать на это другого отвѣта, кромѣ даннаго герцогомъ Аргайллемъ, что индійскій генералъ-губернаторъ хотѣлъ принудить Шира-Али броситься въ объятія Россіи, чтобы имѣть необходимый предлогъ для объявленія войны Афганистану *). Болѣе того,—мы можемъ сослаться на достовѣрный фактъ, что въ первые мѣсяцы 1878 г. индійское правительство снарядило тридцатитысячный корпусъ, который долженъ былъ двинуться чрезъ Афганистанъ для нападенія на русскія владѣнія въ Средней Азіи. Журналъ *The Pioneer*, который, по словамъ герцога Аргайлля, имѣетъ близкія сношенія съ англійскимъ правительствомъ въ Симлѣ, въ одной изъ своихъ корреспонденцій въ августѣ 1878 г. объявилъ, что всѣмъ извѣстно о назначеніи этой арміи **).

„Но, продолжаетъ герцогъ Аргайлль, если англійское правительство имѣло безспорное право дѣлать такія приготовленія

---

*) Герцогъ Аргайлль, The Eastern question, II, 482.

**) Тамъ же, т. II, стр. 444.

и составлять подобные планы, то было слишкомъ смѣло съ его стороны отказывать Россіи въ правѣ принимать предупредительныя мѣры противъ этихъ замысловъ". Россія—повторяетъ герцогъ неоднократно—не нарушила никакого международнаго обязательства, отправляя посольство въ Кабулъ; она лишь приняла совершенно законныя мѣры для личной своей обороны *).

Дѣйствительно, открытая враждебность англійскаго правительства по отношенію къ Россіи, посылка въ Европу индійскихъ войскъ въ видахъ войны съ этой державой, наконецъ, все положеніе Англіи съ конца 1877 г. показывали твердую рѣшимость поссориться съ державой, побѣдоносныя арміи которой покрыли себя безсмертной славой въ Арменіи и на Балканахъ.

Слѣдовательно, сама Великобританія вынудила Россію къ попыткамъ создать для нея затрудненія въ Азіи. Въ Петербургѣ было извѣстно, что два капитана англійской службы, гг. Буттлеръ (Butler) и Нэпиръ (Napier), отправились къ туркменамъ и другимъ азіатскимъ народамъ для подстрекательства ихъ къ новымъ набѣгамъ на русскія владѣнія **). Англійское правительство сознавалось, что дозволило эмиссару Оттоманской Порты проѣхать черезъ Индію и Афганистанъ въ другія среднеазіатскія мусульманскія земли, чтобы поднять противъ русскаго правительства все мусульманское населеніе ***). Въ виду приведенныхъ достовѣрныхъ фактовъ, жалобы англійскаго правительства на посольство генерала Столѣтова въ Кабулъ и крики, поднятые въ Англіи по этому поводу, кажутся по меньшей мѣрѣ странными. Англійское правительство протестовало въ 1878 г. противъ переписки, обмѣненной между генераломъ Кауфманомъ и Широмъ-Али-ханомъ, хотя бывшіе индійскіе вице-короли, лордъ Майо и лордъ Норсбрукъ, сами совѣтовали эмиру поддерживать эту переписку и отвѣчать насколько возможно дружелюбнѣе,— хотя не существовало никакого обязательства, запрещавшаго русскому правительству входить въ прямыя сношенія съ эми-

*) Тамъ же, т. II, стр. 289 и 495 и слѣд.

**) *Correspond. resp. Central Asia*, № 1, 1878, стр. 132 (№ 170).

***) Тамъ же, стр. 122, № 126. Депеша лорда Дерби къ лорду Лофтусу отъ 7 октября 1877 г.

ромъ афганскимъ,—хотя, наконецъ, правительство русское неоднократно оговаривало полную свободу своихъ дѣйствій въ Средней Азіи. То самое правительство, которое, въ противность торжественнѣйшему изъ трактатовъ, насильственно провело свой флотъ чрезъ Дарданеллы, требовало точнаго исполненія обязательства, котораго никогда не существовало и которое, даже еслибы дѣйствительно существовало, могло быть законно нарушено вслѣдствіе враждебнаго положенія и военныхъ мѣръ кабинета лорда Бэконсфильда!

Мы уже неоднократно имѣли случай доказывать, что всѣ декларации русскаго правительства, касающіяся положенія Афганистана, основывались на предположеніи, что эта земля останется самостоятельнымъ государствомъ. Россія никогда не должна дозволять себѣ вмѣшательства, противнаго этой самостоятельности. Когда князь Горчаковъ объявлялъ въ депешѣ, отъ 3 февраля 1876 г., что Афганистанъ остается „внѣ сферы дѣйствія“ Россіи, то этимъ только подтверждалъ предшествующія дикларации 1869 и 1875 гг.

Англія обязалась уважать эту самостоятельность какъ относительно Россіи, такъ и относительно самого афганскаго эмира. Тѣмъ не менѣе, съ начала 1875 г. англійское правительство систематически и рѣшительно приступило къ ея уничтоженію, хотя ни Россія, ни эмиръ кабульскій не давали въ это время ни малѣйшаго предлога для нарушенія торжественнѣйшихъ обязательствъ. Когда въ маѣ 1875 г. Дизраэли объявлялъ парламенту, что между Англіей и Россіей существуетъ „доброе согласіе“ по среднеазіатскому вопросу, маркизъ Салисбюри уже послалъ новыя инструкціи 22 января 1875 г., которыми предписывалось привести въ исполненіе систематическое вмѣшательство въ дѣла Афганистана. Когда лордъ Литтонъ началъ свою наступательную политику противъ эмира, с.-петербургскій кабинетъ и не думалъ еще вовсе посылать въ Кабулъ дипломатическаго посольства. И во всякомъ случаѣ, когда посольство это состоялось, оно не подвергало никакой опасности верховную власть Шира-Али.

Кто же не исполнилъ своихъ обязательствъ? Кто нарушилъ права другого? Приведенные нами безспорные факты даютъ

безпристрастному читателю возможность рѣшить этотъ вопросъ.

Событія, которыя слѣдовали за прибытіемъ русскаго посольства въ Кабулъ, слишкомъ извѣстны, чтобы была необходимость напоминать объ нихъ здѣсь.

Согласно англійскимъ источникамъ, посольство генерала Столѣтова въ Кабулъ было рѣшено въ мартѣ 1878 г. *). Генералъ прибылъ въ Кабулъ только въ іюлѣ, послѣ закрытія берлинскаго конгресса; въ Средней Азіи нѣтъ ни желѣзныхъ, ни даже хорошихъ почтовыхъ дорогъ, и надо употребить по крайней мѣрѣ два мѣсяца для проѣзда разстоянія, отдѣляющаго Кабулъ отъ Ташкента. Когда берлинскій трактатъ былъ подписанъ, генералъ Столѣтовъ получилъ приказъ удалиться изъ Кабула. При томъ положеніи, которое занялъ лордъ Литтонъ относительно Шира-Али, совершенно естественно, что послѣдній принялъ русское посольство. Эмиръ отлично зналъ, что русскіе не имѣли никакого намѣренія ни уменьшать его власть надъ его народомъ, ни посягать на независимость его страны.

Тѣмъ не менѣе, англійское правительство неутомимо протестовало противъ „нарушенія согласія и обязательствъ, заключенныхъ относительно Афганистана**)“ и выискивало доказательства мнимыхъ противорѣчій между русскими властями въ С.-Петербургѣ и русскими властями въ Средней Азіи. Русское посольство оставило Кабулъ осенью 1878 г. Его пребываніе здѣсь дало лорду Литтону желанный предлогъ для объявленія войны Ширу-Али, каковое и послѣдовало въ ноябрѣ, такъ какъ оскорбленное достоинство эмира не позволяло ему ни согласиться на пріемъ англійскаго посольства, ни подчиниться ультиматуму, который предложилъ ему индійскій вице-король.

Смерть Шира-Али доставила афганскій престолъ его сыну, Якубу-хану, и имѣла своимъ непосредственнымъ результатомъ заключеніе мирнаго договора, важнѣйшія постановленія котораго мы изложили выше.

---

*) Correspondence resp. Central Asia, № 1, 1878, стр. 150, № 153.

**) См. депешу лорда Лофтуса къ маркизу Салисбюри 27 сентября 1878 г. (Corresp. resp. Central Asia, № 2, 1878, стр. 7, № 2).

V.

Война между Англіей и Афганистаномъ окончилась; былъ заключенъ миръ; эмиръ кабульскій сталъ покорнымъ слугою вице-короля британской Индіи.

Въ виду этихъ фактовъ, невольно возникаетъ вопросъ, какой же характеръ имѣютъ существующія отношенія между Англіей и Россіей въ Средней Азіи? Остались-ли цѣлыми тѣ деклараціи, которыя были обмѣнены между этими двумя великими державами ранѣе послѣднихъ событій? Измѣнилъ-ли что нибудь во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи къ Афганистану послѣдній мирный договоръ, вынужденный отъ Якуба-хана?

Дипломатическая переписка не даетъ никакого отвѣта на эти вопросы: она касается лишь событій, предшествовавшихъ заключенію мирнаго договора. Можно предполагать, что двѣ великія державы до настоящаго времени еще не входили въ переговоры по вопросамъ, возбужденнымъ послѣдними событіями въ Афганистанѣ. Въ исходѣ 1878 г., когда русское посольство удалилось изъ Кабула, англійское правительство было спрошено, признаетъ ли оно дѣйствительными прежнія обязательства, заключенныя между Россіей и Англіей? Маркизъ Салисбюри отвѣтилъ графу Шувалову, что англійское правительство готово возстановить взаимныя отношенія на основѣ актовъ 1875 и предшествующихъ годовъ. Но глава департамента иностранныхъ дѣлъ полагалъ, что ни русскій меморандумъ 1875 г., ни англійскій отвѣтъ на него того же года не придавали сохраненію самостоятельности Афганистана характеръ обязательства, заключеннаго между Россіей и Англіей.

Графъ Шуваловъ былъ другого мнѣнія. Съ своей стороны мы старались доказать, что обязательство это существуетъ и что оно основывается на текстѣ всѣхъ соглашеній, состоявшихся между Россіей и Англіей относительно Средней Азіи. Меморандумъ 1875 г. настаиваетъ на этомъ пунктѣ съ особенной энергіей.

Однако, нотой отъ 19 декабря 1878 года, маркизъ Салисбюри увѣдомилъ посла Россіи, что, по отозваніи русскаго по-

сольства изъ Кабула, англійское правительство считаетъ всѣ обоюдныя обязательства на счетъ Средней Азіи возстановленными и снова имѣющими законную силу *).

Это было сказано въ концѣ 1878 года, когда война между Англіей и Афганистаномъ только-что началась. Заключеніе мирнаго договора съ новымъ эмиромъ послѣдовало лишь въ

*) Г. *Вэстлэкъ*, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ современныхъ англійскихъ юристовъ, помѣстилъ въ „Revue de droit international" (1879, № 4) длинное возраженіе на мой настоящій этюдъ о среднеазіатскомъ вопросѣ. Въ этомъ возраженіи, авторъ его старается доказать, что я напрасно обвиняю Англію въ нарушеніи принятыхъ ею на себя, по отношенію къ Россіи, обязательствъ; что англійское правительство имѣло положительное право заключить съ Якубомъ-ханомъ такой мирный договоръ, въ силу котораго Афганистанъ долженъ былъ сдѣлаться подвластной Англіи областью, и что вообще Англія не связана никакими обязательствами въ отношеніи Россіи на счетъ Средней Азіи.

Подробный отвѣтъ мой на это возраженіе почтеннаго англійскаго юриста напечатанъ въ первомъ выпускѣ гентской „Revue" за этотъ годъ. Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать только нѣсколько замѣчаній. Въ дипломатической перепискѣ по среднеазіатскимъ дѣламъ русское и англійское правительства постоянно говорятъ объ „обязательствахъ" (engagements), „сдѣлкахъ" (arrangements) и „соглашеніи" (entente), существующихъ между ними. Такъ, между прочимъ, маркизъ Салисбюри, въ депешѣ къ лорду Лофтусу, отъ 13 декабря 1878 года, разсказывая о своей бесѣдѣ съ графомъ Шуваловымъ о Средней Азіи, сообщаетъ, что онъ объявилъ русскому послу что „цѣль англійской политики — сохранить независимость Афганистана и исполнить добросовѣстно всѣ свои обязательства". Въ нотѣ отъ 7 (19) декабря 1878 г. англійскій министръ снова объявляетъ, что если русская миссія удалится изъ Кабула, то ipso facto „возобновится обязательная сила всѣхъ прежнихъ обязательствъ". Въ 1875 г. лордъ Дерби сказалъ русскому послу, что на основаніи существующихъ *обязательствъ*, Англія уважитъ независимость Афганистана и не подвинетъ своихъ войскъ на Западъ до тѣхъ поръ, пока Россія не займетъ Мервъ. (Депеша лорда Дерби къ лорду Лофтусу отъ 19 марта 1875 г.). Наконецъ, въ 1873 г. Гладстонъ объявилъ въ парламентѣ, что, въ силу обязательствъ съ Россіею, Англія можетъ имѣть на Афганистанъ только „нравственное вліяніе" (moral influence).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мы выводимъ слѣдующія три заключенія:

1) Англія и Россія признавали существованіе извѣстныхъ обязательствъ въ отношеніи Средней Азіи.

2) На основаніи этихъ обязательствъ Афганистанъ долженъ сохранять свою политическую независимость.

3) Лишеніе Афганистана независимости должно имѣть непосредственнымъ и *законнымъ* послѣдствіемъ занятіе русскими войсками Мерва.

маѣ 1879 года. Этотъ фактъ произвелъ совершенную перемѣну въ томъ порядкѣ вещей, существованіе котораго являлось главнымъ условіемъ и основаніемъ всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ и всѣхъ обязательствъ между Россіей и Англіей. Очевидно, что новое соглашеніе между этими двумя державами сдѣлалось безусловною необходимостью. Намъ неизвѣстно, начались-ли уже новые переговоры по этому вопросу и какое положеніе занимаетъ русское правительство въ виду договора, заключеннаго съ Якубомъ-ханомъ. Входить же въ предположенія на счетъ будущаго соглашенія, имѣющаго опредѣлить взаимныя отношенія Россіи и Англіи въ Средней Азіи, мы считаемъ неумѣстнымъ.

Мы позволимъ себѣ, однако, предложить благосклонному вниманію читателя нижеслѣдующія соображенія, въ истинѣ которыхъ мы глубоко убѣждены.

Прежде всего, мы убѣждены, что самая исходная точка всѣхъ переговоровъ, происходившихъ до настоящаго времени между Россіей и Англіей, совершенно неправильна. Какую дѣйствительную цѣль имѣли эти дипломатическіе переговоры? Предупредить во что бы то ни стало непосредственное сосѣдство русскихъ и англійскихъ владѣній въ Азіи. Эта мысль, повидимому, глубоко укоренилась и въ общественномъ мнѣніи, и въ правительственныхъ сферахъ Англіи. Предполагаютъ, что какъ только русскія владѣнія придутъ въ прямое соприкосновеніе съ британскими владѣніями въ Индіи, столкновеніе между Англіей и Россіей будетъ неизбѣжно. Въ Англіи до сихъ поръ полагаютъ, что жизненные интересы Индіи настоятельно требуютъ сохраненія между англійскими и русскими владѣніями въ Средней Азіи нейтральнаго пояса, раздѣляющаго сферы вліянія обѣихъ державъ.

Мы думаемъ иначе. Мы думаемъ, что такое прямое сосѣдство, напротивъ, будетъ служить наилучшимъ залогомъ искренняго согласія между Россіей и Англіей на счетъ ихъ взаимной политики въ Азіи. Мы даже убѣждены, что такое сосѣдство англійскихъ и русскихъ владѣній въ Средней Азіи окажетъ наилучшее вліяніе на отношенія этихъ обѣихъ великихъ державъ въ сферахъ ихъ дѣйствія въ Европѣ.

Зная исторію европейской цивилизаціи, никто не станетъ отрицать, что Англія справедливо заслужила право на признательность всѣхъ другихъ народовъ своей конституціей, своими политическими учрежденіями, своими законами, своими философами, своими поэтами, своими государственными людьми. Лично мы питаемъ искреннее уваженіе къ учрежденіямъ этой страны, къ жизненной силѣ, несокрушимой энергіи, мужественному и благородному характеру англійскаго народа.

Но отдавая полную справедливость великимъ и почтеннымъ качествамъ англичанъ, нельзя не видѣть въ нихъ и нѣкоторые недостатки, существованіе которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Сознаніе собственной силы очень часто доводитъ ихъ до забвенія правъ другихъ на существованіе и жизнь; ихъ несокрушимая энергія вырождается иногда въ глубокое презрѣніе къ интересамъ и законнымъ стремленіямъ, личной и національной самостоятельности другихъ народовъ; ихъ закаленный характеръ часто заставляетъ ихъ не уважать наклонностей и характера ихъ сосѣдей; ихъ честность приходитъ иногда въ столкновеніе съ ихъ обязательствами и обѣщаніями. Всѣ согласны, и англичане хорошо сознаютъ это, что они отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ преимущественно духомъ исключительности и своекорыстія, благодаря которому они и могли развить характеристическія черты своей національной и политической индивидуальности. Но, съ другой стороны, не менѣе безспорно, что эти отличительныя ихъ черты часто становятся невыносимыми для другихъ народовъ, которые также проникнуты сознаніемъ своихъ правъ и своихъ интересовъ. Столкновеніе правъ и интересовъ, естественно, можетъ вызвать законную борьбу и ожесточенныя войны. Но, къ несчастію, въ англійской политикѣ очень часто войны, объявляемыя другимъ народамъ, вызывались не столкновеніемъ интересовъ и правъ, а закоренѣлыми предразсудками, наслѣдственными подозрѣніями, страстными предубѣжденіями, внушеніями неразумнаго и безграничнаго эгоизма. Сомнительно, чтобы во всѣхъ случаяхъ войны, возникшія изъ такихъ источниковъ, дѣйствительно приносили англійскому народу болѣе выгодъ, чѣмъ убытковъ.

Духъ *исключительности*, о которомъ мы говоримъ, является въ значительной мѣрѣ послѣдствіемъ островнаго положенія Великобританіи. Такое положеніе особенно благопріятно для развитія своекорыстныхъ стремленій и такого образа дѣйствій, который мало совмѣстенъ съ основной идеей общенія и съ отношеніями, основанными на взаимности интересовъ и на уваженіи правъ ближняго. Образованные народы составляютъ общество, въ которомъ каждый членъ долженъ находить уваженіе къ своимъ правамъ и обезпеченіе своихъ жизненныхъ интересовъ. Какъ и всякое общество, оно не могло бы существовать, еслибъ каждый народъ давалъ безграничную и необузданную свободу своимъ стремленіямъ, своимъ наклонностямъ и своимъ страстямъ. Всякая цивилизація предполагаетъ сдѣлку, компромиссъ между различными интересами; общество образованныхъ народовъ было бы химерой, еслибъ они не согласились ограничивать свои стремленія и дѣлать уступки въ пользу законныхъ интересовъ другихъ, уступки взаимныя, вознаграждаемыя неисчислимыми благами, которыя даютъ образованнымъ народамъ существованіе тѣснаго союза между ними и сохраненіе мирныхъ сношеній. Но для того, чтобы народъ относился съ должнымъ уваженіемъ къ интересамъ другихъ народовъ, нужно чтобы онъ созналъ, что собственные его интересы зависятъ отъ интересовъ другихъ; для того чтобы государство было готово поступиться своими интересами въ пользу законныхъ стремленій другихъ государствъ, нужно, чтобы оно прониклось сознаніемъ *необходимости* компромисса; для того чтобы каждый членъ союза образованныхъ народовъ понималъ свои обязанности, какъ членъ общества, нужно, чтобы онъ находился въ прямыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ другими членами.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы убѣждены, что непосредственное сосѣдство, которое очевидно устанавливается между владѣніями Россіи и Англіи въ Средней Азіи, можетъ имѣть только благодѣтельныя послѣдствія для обѣихъ державъ. Оно повліяетъ самымъ счастливымъ образомъ на политику ихъ какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, всегда напоминая имъ, что онѣ сосѣдки, что важные интересы подлежатъ ихъ защитѣ и что

эта защита будетъ дѣйствительна только тогда, когда они будутъ уважать индивидуальные ихъ интересы. Непосредственное сосѣдство между Россіей и Англіей въ Средней Азіи будетъ, съ одной стороны, неизбѣжно внушать правительству англійскому большее уваженіе къ правамъ Россіи, съ другой, обяжетъ эту послѣднюю отказаться отъ всякой враждебной мысли по отношенію къ британскимъ интересамъ въ Азіи. Словомъ, вслѣдствіе такого сближенія англійскихъ и русскихъ владѣній въ Средней Азіи, Англія, выйдя изъ своего островнаго положенія, увидитъ себя вынужденной оставить и свою островную политику.

Что касается Россіи, то, благодаря такому сосѣдству, она будетъ лучше обезпечена относительно уваженія своихъ безспорныхъ правъ и мало по малу убѣдится, что безопасность собственныхъ ея владѣній въ Азіи существенно зависитъ отъ господства Англіи надъ азіатскими народами, насчитывающими въ себѣ свыше 200 милліоновъ душъ. На такой основѣ согласіе между Россіей и Англіей будетъ не только возможно, но и прочно.

Наконецъ, намъ кажется, что само Провидѣніе ведетъ обѣ великія державы къ этому общему пути и къ этой высокой цѣли. Мы видѣли, что переговоры о сохраненіи между принадлежащими имъ въ Азіи владѣніями „нейтральной области“ или „промежуточнаго пояса“ никогда не имѣли успѣха. Однако, нельзя усомниться ни въ способностяхъ государственныхъ людей, которые вели эти переговоры, ни въ ихъ доброй волѣ, ни въ искренности ихъ усилій. Сила вещей оказалась болѣе могущественной, чѣмъ человѣческая воля. Столь же безплодными останутся и всѣ будущія попытки, могущія быть сдѣланными для созданія нейтральнаго пояса между русскими и аглійскими владѣніями.

Итакъ, мы говоримъ, что непосредственное сближеніе сферъ вліянія Англіи и Россіи намъ кажется благодѣяніемъ, а не несчастьемъ Если стать на эту точку зрѣнія, то можно сказать, что мирный договоръ, навязанный кабульскому эмиру въ противность обязательствамъ, которыя приняла на себя относительно Россіи Великобританія, приводитъ къ выгодному

результату, именно—устанавливаетъ непосредственное сосѣдство русскихъ и англійскихъ владѣній въ Средней Азіи. Афганистанъ отнынѣ сдѣлался областью, подвластной индійской имперіи, и такимъ образомъ политика лорда Бэконсфильда и лорда Литтона, конечно, безсознательно создала такой порядокъ вещей, который до сихъ поръ всегда былъ предметомъ страха и тревоги англичанъ.

Мы думаемъ, что непосредственное сосѣдство русскихъ и англійскихъ территорій въ Азіи является единственной практической и разумной основой для совершеннаго согласія между двумя великими державами. Разъ это первое условіе взаимнаго согласія сдѣлалось совершившимся фактомъ, другія условія осуществятся гораздо легче. Изъ числа этихъ послѣднихъ мы считаемъ болѣе важными слѣдующія.

Во-первыхъ, необходимо, чтобы обѣ великія державы убѣдились въ той безусловной и неопровержимой истинѣ, что борьба между ними въ Азіи будетъ, въ результатѣ, началомъ конца ихъ господства въ этой части свѣта. День, когда Россія восторжествуетъ надъ Англіей въ Средней Азіи, будетъ кануномъ паденія ея власти въ этихъ земляхъ. Въ тотъ день, какъ Англія одержитъ рѣшительную побѣду надъ Россіей, британская Индія будетъ на полъ-пути къ своему освобожденію отъ англійскаго ига.

Это положеніе, кажущееся на первый взглядъ парадоксальнымъ, основано на соображеніяхъ, которыя имѣютъ право на вниманіе государственныхъ людей Россіи и Англіи.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что Англія объявитъ войну Россіи и приметъ за базу военныхъ операцій среднеазіатскія земли. Конечно, англійская армія будетъ навербована въ большинствѣ изъ туземнаго населенія Индіи. Всѣ остъ-индскіе князьки и правительства получатъ приглашеніе участвовать въ этой экспедиціи, которая, безъ сомнѣнія, будетъ предпринята въ широкихъ размѣрахъ. Если, затѣмъ, Россія потерпитъ пораженіе въ Средней Азіи, то азіатскіе союзники Англіи весьма естественно припишутъ себѣ всю славу и всѣ заслуги побѣды. Чѣмъ большее число ихъ войдетъ въ экспедиціонную армію, дѣйствующую противъ Россіи, тѣмъ болѣе туземные князья

будутъ убѣждены въ военной слабости англійскаго правительства и тѣмъ болѣе будутъ склонны считать себя настоящими побѣдителями русскихъ армій. При этихъ обстоятельствахъ, весьма вѣроятно, что англо-русская война въ Азіи и особенно побѣды Англіи будутъ имѣть непосредственнымъ слѣдствіемъ сильное развитіе чувства собственной силы въ подвластныхъ Англіи селеніяхъ. Этого-то именно и не достаетъ до настоящаго времени населенію Индіи, насчитывающему въ себѣ болѣе 200 милліоновъ душъ. Но когда вся эта масса пойметъ свою силу и увидитъ относительную слабость своихъ повелителей, тогда конецъ владычеству Англіи надъ Индіей будетъ лишь вопросомъ нѣсколькихъ лѣтъ.

Теперь предположимъ обратный случай—Россія предприметъ военную экспедицію въ Индію, разобьетъ англійскія войска, перейдетъ за границы владѣній Англіи и подыметъ огромныя и страшныя массы туземнаго населенія Индіи противъ англичанъ. Безъ сомнѣнія, въ случаѣ нападенія Россіи на англійскую Индію такое поднятіе туземнаго населенія явится существеннымъ опорнымъ пунктомъ для дѣйствій русской арміи. Англійское господство кончится. Послѣдніе слѣды пребыванія англичанъ въ Азіи исчезнутъ. Но затѣмъ? Что дѣлать Россіи съ этими 200 милліонами людей, которые боятся и ненавидятъ англичанъ и русскихъ, какъ христіанъ и европейцевъ? Можетъ-ли Россія занять то мѣсто, которое Англія оставитъ вакантнымъ въ Индіи? Будетъ-ли Россія въ силахъ подчинить своей власти эти 200 милліоновъ душъ, повинующихся англичанамъ столько-же по привычкѣ, какъ и изъ страха? Наконецъ, выгодно-ли для Россіи расширять свои границы до этихъ отдаленныхъ земель?

Мы увѣрены, что каждый русскій, любящій свое отечество и понимающій истинные его интересы, отвѣтитъ вмѣстѣ съ нами отрицательно на всѣ эти вопросы. Чрезмѣрное расширеніе русскихъ границъ можетъ только ослабить оборонительныя силы и матеріальныя средства Россіи. Покореніе двухсотъ-милліоннаго населенія Индіи всегда останется мечтой, или произведеніемъ разгоряченной фантазіи. Конечнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ побѣдъ Россіи въ Азіи будетъ возникновеніе въ

азіатскихъ земляхъ независимыхъ государствъ, которыя причинятъ Россіи гораздо болѣе затрудненій и будутъ болѣе опасны для ея владѣній въ этой странѣ, чѣмъ существованіе въ Калькуттѣ цивилизованнаго и христіанскаго правительства.

Поэтому мы безусловно не можемъ предвидѣть ни для той, ни для другой великой державы благодѣтельныхъ послѣдствій войны, могущей возгорѣться между ними въ Азіи. Какой-бы оборотъ ни приняло дѣло, побѣдитель съ самаго момента пораженія своего европейскаго противника, поставитъ себя въ величайшія затрудненія и подвергнется величайшимъ опасностямъ. Пусть всѣ тѣ изъ русскихъ и англичанъ, которые хотятъ столкновенія, отвѣтятъ прежде на слѣдующій вопросъ: что дѣлать съ завоеванными землями и какъ удержать въ подчиненіи туземное населеніе? Разъяснить этотъ вопросъ, прежде чѣмъ настаивать на *„рѣшительной и имперіальной политикѣ“* противъ Россіи есть священный долгъ особенно англійскихъ писателей, вродѣ сэра Генри Раулинсона и лорда Литтона.

Когда компетентные англійскіе авторитеты убѣдятся въ громадныхъ опасностяхъ, неизбѣжно вытекающихъ изъ побѣдъ и успѣховъ, одержанныхъ надъ Россіей, тогда воинственный пылъ погаснетъ и возгласы и крики призыва къ войнѣ не будутъ болѣе заглушать голосъ разума и здраваго смысла. Тогда согласіе съ Россіей установится само собою.

Во-вторыхъ, необходимо, чтобъ въ Англіи отказались отъ тѣхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ на счетъ завоевательныхъ стремленій Россіи, которые до сихъ поръ еще господствуютъ въ англійской печати и даже въ парламентѣ. Пусть Англія пойметъ, что сама она, въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ, пріобрѣла области, которыя имѣютъ на много милліоновъ болѣе многочисленное и безконечно болѣе богатое населеніе, чѣмъ населеніе всѣхъ земель, которыя простираются отъ Волги до границъ Китая и которыя Россія присоединила въ послѣднее время *).

Не менѣе необходимо, чтобы Англія поняла, что враждеб-

*) Ср. интересный этюдъ сэра Генри Раулинсона въ *Quarterly Review* № VIII, за январь 1879 г.—Duc d'Argyll, loc. cit., II, 223.

ностью, которую она постоянно обнаруживаетъ въ отношеніи Россіи, она ослабляетъ собственное свое обаяніе, уменьшаетъ собственную свою власть и позволяетъ азіатскимъ правительствамъ недостойнымъ образомъ эксплуатировать великую европейскую державу.

Азіатскія правительства очень хорошо знаютъ о враждѣ, существующей между Англіей и Россіей, и пользуются ею, чтобы пріобрѣсти себѣ различныя выгоды. Въ этомъ легко убѣдиться изъ переговоровъ, которые происходили между эмиромъ кабульскимъ и калькутскимъ правительствомъ. Ширъ-Али-ханъ и его министры неоднократно объявляли индійскому вице-королю, и что они вполнѣ понимаютъ важность Афганистана для защиты британскихъ владѣній въ Индіи. Эмиръ говорилъ, что англійское правительство обязано защищать его отъ Россіи ради обезпеченія безопасности собственныхъ своихъ владѣній. На этомъ основаніи Ширъ-Али-ханъ требовалъ отъ Англіи, иногда высокомѣрнымъ тономъ, субсидій деньгами и въ видѣ военныхъ припасовъ. Онъ получилъ огромныя суммы, какъ нѣчто должное ему англійскимъ правительствомъ *). Англійскіе министры и индійскіе вице-короли вполнѣ понимали это обстоятельство; чтобы устранить его, Англіи слѣдовало бы перестать распространять всякаго рода обвиненія на счетъ Россіи, ея честолюбія и ея стремленій къ завоеванію Индіи.

Генералъ Кауфманъ обратилъ вниманіе своего правительства на этотъ вопросъ.

„Есть основаніе думать“, писалъ онъ князю Горчакову, 17 (29) іюня 1870 г., „что возбужденіе умовъ, которое господствуетъ въ настоящее время въ среднеазіатскихъ ханствахъ, сосѣднихъ съ нашими границами, зависитъ отчасти отъ убѣжденія, которымъ проникнуты народы этихъ земель и преимущественно афганцы, что рано или поздно, по непримиримой и закоренѣлой ненависти, русскіе и англичане должны подраться въ Азіи. Это убѣжденіе неоднократно высказывалъ сердарь афганскій, Абдулъ-Рахманъ-ханъ (претендентъ на кабульскій престолъ, племянникъ Шира-Али, бѣжавшій въ Туркестанъ), и

*) Ср. Duc d'Argyll, The Eastern question, т. II, стр. 313, 323 и слѣд.

онъ настаивалъ на немъ, чтобы увѣрить меня, что Россія заинтересована и даже безусловно должна помочь ему, Абдулъ-Рахману, завладѣть Кабуломъ".

Выше мы видѣли, что англійскія власти въ Индіи, какъ напр., главнокомандующій арміей, г. Мансфельдъ, и полковникъ Тэйлоръ, высказались совершенно въ томъ-же смыслѣ. Только одни непримиримые враги *какъ Россіи, такъ и Англіи*, могутъ благопріятствовать развитію такого убѣжденія въ азіатскихъ земляхъ и давать варварскому и фанатическому населенію этихъ земель доказательства глубокаго антагонизма, раздѣляющаго оба цивилизованныя правительства въ Средней Азіи. Чѣмъ болѣе это сознаніе враждебности, существующей между двумя великими европейскими державами, будетъ распространяться среди азіатскихъ народовъ, тѣмъ болѣе эти державы будутъ утрачивать почву въ Азіи, тѣмъ болѣе ихъ господство будетъ въ опасности.

Мы кончили нашъ этюдъ.

Основная идея, руководившая авторомъ, теперь извѣстна читателю. Эта идея — глубокое и непоколебимое убѣжденіе, что интересы Россіи и Англіи въ Средней Азіи въ сущности солидарны. Эти обѣ великія державы должны всегда быть проникнуты той истиной, что просвѣтительная миссія, которую онѣ взяли на себя по отношенію къ полудикимъ народамъ, населяющимъ отдаленныя земли, о которыхъ идетъ рѣчь, вовсе не химера, а, напротивъ, реальный фактъ и составляетъ достойную ихъ задачу.

Да не оставятъ Россія и Англія никогда своей миссіи! Да основываютъ онѣ въ будущемъ взаимныя свои отношенія не на недовѣріи и враждѣ, а на взаимномъ довѣріи, на откровенныхъ и честныхъ объясненіяхъ, на искреннемъ уваженіи пріобрѣтенныхъ правъ и законныхъ стремленій той и другой стороны!

Равнины и горы Средней Азіи даютъ возможность свободнаго развитія всѣмъ матеріальнымъ и духовнымъ силамъ англійскаго и русскаго народовъ. Оба народа должны протянуть здѣсь

руку другъ другу и, образомъ дѣйствій, основаннымъ на взаимномъ довѣріи и уваженіи, доказать азіатскимъ народамъ, что они полагаютъ свои интересы въ неутомимой борьбѣ противъ варварства и въ веденіи общественныхъ учрежденій, могущихъ обезпечить успѣхи цивилизаціи. Подавая съ довѣріемъ другъ другу руку, забывая страстные предразсудки прошлыхъ временъ, русскій и англійскій народы докажутъ, что истинная цивилизація дѣйствительно основывается на *совмѣстной дѣятельности* ради общей, высокой, достойной XIX вѣка цѣли.